

Купанье въ морѣ, какъ и всякое леченіе, приноситъ пользу особенно тогда, если соблюдается приличная діета. Но странно видѣть, что многіе больные пріѣзжаютъ сюда съ своими чаями, кофейми, поварями и другими вредными привычками, при которыхъ не только Ревельское море, но цѣлый океанъ водъ не въ состояніи поправить здоровья. На это обстоятельство мѣстный врачъ долженъ бы обратить наиболѣе вниманія. Къ сожалѣнію, отъ обширной *практической* дѣятельности въ его головѣ не больше осталось знанія о болѣзняхъ, какъ и о деревянной кровати, на которой лежатъ больные.

Первобытные, коренные обитатели здѣшней страны, Чухонцы, — прототипъ неопрятности, безвкусія, слабумія, недѣятельности! Но взгляните хорошенько въ ихъ физическую организацію: какой прекрасный станъ тѣла, какая стройность его частей, какая бѣлизна и нѣжность кожи, какая полнота и роскошь женскаго бюста! Вслушайтесь хорошенько въ ихъ нарѣчіе: какая звучность, какая мягкость, какая неслыханная текучесть и сладость рѣчи! Кажется, если бы можно было усовершенствовать эту расу, вышла бы нація, станомъ стройнѣе Англійской, а языкомъ нѣжнѣе Италіанской, и на вѣрное ничѣмъ не хуже той, которая теперь считаетъ себя лучшею въ Эстляндіи.

Г. Сокольскій.

ДОРОГА ИЗЪ НИЖНЯГО ДО ВОЛОГДЫ.

Продолженіе дорожныхъ записокъ, помѣщенныхъ въ N 9.

(Балахна, Кинешма, Кострома, Галичъ).

12 Августа. Любо ѣхать Нижегородскими селами по Волгѣ. Почти всѣ онѣ отстроены прекрасно. Что за лѣсъ! Какими узорочными кружевами обвѣшано лице всякой избы, въ два и три ряда. Конекъ уставленъ коковками, (деревянными фигурками: отсюда и кокошникъ, ~~женскій~~

головной уборъ). Народъ встрѣчается рослый, здоровый, румяный — сердце радуется. Ну какъ сравнить съ нимъ нашу поскудную подмосковщину, издавна.... которое день ото дня худѣетъ, мѣлѣетъ, хилѣетъ, кривится, и лишается даже Божіево образа. Сердечность, когда проезжаешь мимо рынка, въ базарный день: что за лица около возовъ съ дровами и сѣномъ, — съ красными носами, мутными глазами, хриплымъ голосомъ!

Ямщикъ поѣхалъ по проселку — берегомъ Волги. Это страсть ихъ, которой нѣтъ ничего досаднѣе для путешественника. Чтобы выгадать какую нибудь версту или двѣ, потащутъ они васъ по кочкамъ, черезъ кустарникъ, даже болотомъ. Нынче случилось со мной еще хуже: какъ-то, на срединѣ поворота, (мы проѣхали уже версть пять), никакъ не хотѣлъ пускаться далѣе. Напрасно казалъ я ему казенную подорожную, кричалъ, просилъ. Ничто не помогало. Наконецъ мы замолчали всѣ, и я думалъ уже воротаться, какъ вдругъ онъ умилился, хватилъ ямщика лапайкою во всю спину, примолвивъ: «ступай, впереди поподчуютъ тебя еще!» Мы поѣхали.

Впрочемъ пикету надо-бы стоять вначалѣ поворота, и не вводить во искушеніе.

«Ну что, не говорилъ я тебѣ, дуракъ, чтобы ты не ѣхалъ проселкомъ?» — «Да вѣдь тяжело, батюшко, ѣхать по большой дорогѣ: песокъ по ступицы.» «А развѣ лучше будетъ, какъ тебя, черезъ десять верстъ, опять воротятъ назадъ!» «Авось проѣдемъ какъ нибудь» Авось, — и я вспомнилъ Князя Долгорукаго:

Авось! о, слово Русское, прямое!

Гляжу — и на встрѣчу намъ ѣдетъ повозокъ шесть, одна за другою. Я расхохотался: что-то ожидаетъ ихъ на пикетѣ. Ямщики закричали другъ другу вопросъ: а что тамъ? то есть мой ямщикъ спрашивалъ о переднемъ пикетѣ, къ Балахнѣ, а встрѣчный о заднемъ, Нижегородскомъ. Оба они были въ одинакихъ обстоятельствахъ. Отвѣтъ былъ также одинъ и тотъ же: ау-братъ!

Оба стегнули лошадей и поскакали въ разныя стороны, подумавъ вѣроятно про себя: «что ни будетъ, то будетъ.»

«Отъ чего же не пускають ѣздить здѣсь, спросилъ я ямщика, если по большой дорогѣ ѣхать тяжело?» — «А вотъ видите ли что: на большой дорогѣ есть постоянныя дворы. Обозы, ѣдучи по проселку, ихъ минуяють. Вотъ хозлева и стали жаловаться, просить» и проч. и проч.

Между тѣмъ мы приблизились къ зловѣщему выѣзду на большую дорогу. На счастье, попался знакомый ямщику Соцкой, мужиченко плохинскій, который самъ указаль переулочекъ, гдѣ проѣхать удобнѣе, и даже отворотилъ бревно, которымъ загорожена была дорога. *Я поблагодарилъ* великодушнаго стража закоѣ! За то какъ потрусила надъ нимъ баба, шедшая съ валькомъ на рѣку: «ай соцкой! вотъ онъ каковъ — самъ бревно отворачиваетъ!»

Въ 30 верстахъ отъ Нижняго находится на берегу Волги городъ Балахна. Мнѣ случилось прочесть въ рукописи ея описаніе, сочиненное лѣтъ тридцать назадъ здѣшнимъ Священникомъ, которое оставило во мнѣ очень пріятное впечатлѣніе: добрый Священникъ съ такою простотою, кротостію и добросердечіемъ говорилъ о своихъ прихожанахъ, ихъ тихихъ нравахъ и златой посредственности, въ нѣдрахъ коей живутъ они, что я полюбилъ ихъ издали.

Къ описанію приложено извѣстіе объ ихъ обычаяхъ, нищѣ, цѣнахъ главныхъ произведеній съ 1760 года. Замѣчательно, что поселенные Иваномъ Васильевичемъ Новгородцы и здѣсь не занялись земледѣіемъ, а пустились въ промыслы. Поминанья въ Семихъ уничтожены здѣсь были только въ 1780 г., а гулянье осталось. Всякой городъ долженъ бы имѣть такое описаніе. Пужно ли прибавлять, что оно принадлежитъ къ обязанностямъ Штатнаго Смотрителя и Учителя Исторіи.

Повѣрять ли читатели, что изъ двадцати разныхъ учителей, съ которыми я прежде и послѣ встрѣчался, ни одинъ

не могъ мнѣ сказать, далеко ли отъ его города до сосѣднихъ, губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, кромѣ своего, и ни одинъ не могъ сообщить мнѣ ничего порядочнаго объ его исторіи, а всѣ знаютъ подробно дѣянія Александра Македонскаго, и еще подробнѣе Ассирійской Семирамиды!

Гостинница очень порядочная — двѣ-три чистенькія комнаты. Я велѣлъ подать себѣ уху, и послалъ за смотрителемъ, а между тѣмъ завелъ разговоръ съ однимъ гостемъ, кажется, изъ служителей Оемиды, который въ уголку трудился надъ селянкою. «Есть ли у васъ въ городѣ охотники до старины?» «Быль священникъ любитель, да умеръ третьяго года, Сергѣй Герасимовичъ Кандорскій.» «Неосталось ли послѣ него какихъ рукописей?» «Были, чай, да Богъ знаетъ куда подѣвались.» «А что много дѣлають у васъ *балахоновъ*?» Гость усмѣхнулся. Мы не отъ *балахоновъ*, а отъ Волхова. «Отъ какого Волхова?» Отъ Новгородскаго — мы назывались Волохна, а ужъ послѣ прозвались Балахною. Мы природные Новогородцы, и присланы сюда Иваномъ Васильевичемъ. — Вотъ вамъ исторія и этимологія. Для меня было очень пріятно встрѣтиться съ ними въ трактирѣ. «Ну неслыхалиль вы чего о селѣ Юрьевѣ, гдѣ погребенъ Князь Пожарскій.» — «Какъ не слышать, да вѣдьговорятъ разнo: мнѣ сказывалъ одинъ священникъ, что Князь Пожарскій лежитъ въ селѣ Суховатовѣ.» — «Гдѣ же это село Суховатово?» — «Верстахъ въ осьми отсюда, по дорогѣ въ Жары.» — «Какіе Жары?» спросилъ я моего словоохотнаго собесѣдника, потому что созвучіе *Жаровъ* съ *Пожарскимъ* возбудило мое любопытство, хотя его прозваніе происходитъ отъ Пожара, города въ Черниговскомъ древнемъ Княжествѣ. «Волость Жарская» отвѣчалъ онъ; «большая волость, которая ископи принадлежала Князьямъ Пожарскимъ.»

Надо справиться объ этихъ именахъ: онѣ очень примѣчательны.

«Ну скажите мнѣ еще о здѣшнемъ предводителѣ, Г. Лапухинѣ. Карамзинѣ, — слыхали вы объ немъ? — (Юристъ

кивнуть головою) Карамзинъ ссылается на одну Стенсепую Книгу, Латухинскую. Не здѣсь ли она? — «Можетъ быть, у Николая Яковлевича. У батюшки его было много книгъ?» Я просилъ смотрителя училищъ навести мнѣ послѣ справку.

Между тѣмъ лошади были уже готовы, и я отправился, поблагодаривъ своего новаго знакомаго за любезныя свѣдѣнія.

Не могу разобрать пословицъ, записанныхъ карандашемъ: «Балахна стоитъ (кажется) ротъ распахия. Нижегородцы водохлебы. Нижегороды не уроды. Нижегородская борода, усъ Макарьевскій. Арзамасцы лукѣды.»

Новыя поселенія называются новинками. Есть убогіе дома для погребенія странниковъ.

Хорошо бы издавать особый журналъ, посвятивъ его исключительно Исторіи, Географіи, Статистикѣ городовъ. Надо же возбудить какъ нибудь любознательство, произвести участіе къ отечественной исторіи, въ многочисленномъ классѣ городскихъ обитателей. Они живутъ, и не знаютъ, гдѣ живутъ, какъ будто родились наканунѣ, погрязшіе въ болотѣ ежедневной нужды и заботы, изъ подъ которой не видать и не знаютъ ни чего. (А послѣ пришло мнѣ въ голову: кому лучше принять на себя эту обязанность, на первой случай, какъ не губернскимъ вѣдомостямъ).

Дорога лѣсиста. Въ извѣстныхъ разстояніяхъ стоятъ пикеты, мѣра, благоразумной осторожности на время ярмарки. За лошадьми нѣтъ остановки нигдѣ.

13. Ночью проѣхалъ черезъ нѣсколько многолюдныхъ посадовъ, которыми особенно богата Костромская губернія. Глухо, а попадаются разбитые ящики: одинъ, даже въ расколынической деревнѣ, молодой мальчишка, въ полночь, запрягая лошадей, упрашивалъ своего товарища, или брата, вынести ему трубку — затѣнуться! «Неужли отецъ тебя не бьетъ?» спросилъ я негодая. «Да развѣ я при немъ курю,» отвѣчалъ онъ не заинаваясь.

И Кинешма городокъ порядочный. Проѣзжая чрезъ базаръ, увидѣлъ я часовенку, съ надписью: «1609 года.... Поляки.... Боборыкинъ.» Не могъ издали разобрать болѣе. Вѣрно воспоминаніе объ историческомъ происшествіи. Пока перемѣняли лошадей, сходилъ въ училище, въ прекрасномъ домѣ, на берегу Волги. Всѣ классы заняты. Во второмъ преподается Исторія. «А какая надпись надъ часовнею у рядовъ.» Всеобщее молчаніе. Учитель, предполагая, что я хочу экзаминовать, тотчасъ предложилъ свой вопросъ: что есть Исторія? Ожидая услышать знакомый отвѣтъ: «Исторія есть повѣствованіе о достопамятныхъ происшествіяхъ, случившихся въ мірѣ,» я повторилъ свой прежій: «Развѣ никто изъ васъ не читалъ надписи? вѣдь она вѣрно говоритъ что нибудь о вашемъ городѣ.» — Тоненькой голосокъ заищаль: въ 1609 году напали Литовцы.... Я обѣщаль подарить ему книжку. Въ старшемъ классѣ очень былъ радъ встрѣтить своего ученика, студента, на которомъ еще числилась у меня классическая недоимка—извлечь изъ Голикова поденную записку о дѣяніяхъ Петра I.—«Что же долгъ?» спросилъ я.—«Книгъ у насъ нѣтъ. Я радъ бы.»

Посмотрѣлъ на училищную библіотеку. Жалость видѣть: едва ли найдется десять книгъ приличныхъ для учителя, и двѣ-три для ученика.

Я говорилъ прежде о библіотекахъ гимназическихъ; скажу теперь два слова объ училищныхъ. По уставу училище получаетъ ежегодно 150 р. Сверхъ того Почетные смотрители жертвуютъ обыкновенно рублей по сту и болѣе на приращеніе библіотеки. Этихъ денегъ предостаточно, если употреблять ихъ съ толкомъ. Въ пять лѣтъ накопилась бы порядочная библіотека. Только не давайте теперь Уѣздному учителю никакихъ ученыхъ сочиненій, никакихъ диссертаций, никакихъ системъ, а пуще всего никакихъ педагогическихъ наставленій. Онъ не будетъ читать ихъ, и онѣ лягутъ у него на полки неразрѣзанныя, по крайней мѣрѣ лѣтъ на 20. Теперь предлагайте

ему изданія въ родѣ Нѣмецкихъ Pfennig-magazine, какуюнибудь Жизнь Петра I, описаніе войны 1812 года, даже романы какъ Юрій Милославскій, Рославлевъ, Бурсурманъ, стихотворенія, журналы (хоть мнѣ и скажетъ иной острякъ: vous etes orfevre Mr. Iosse), вообще книги для него занимательныя, пріятныя, а не сухія и тяжелыя, которыя ему не приносятъ еще рѣшительно никакой пользы. Подождите лѣтъ десять, и тогда я перемѣню вамъ свой совѣтъ. Все это можно сдѣлать очень дешево, войдя въ сношенія съ издателями, или посредствомъ особыхъ изданій; только надобно отпирать ларчикъ просто, безъ ухищреній механическихъ. Смотритель не смѣетъ теперь выписывать книги самъ, и просить позволенія у Директора, а тотъ въ свою очередь обращается выше, и время проходить въ перепискѣ. Еще чаще, Смотритель, не полагаясь на свой выборъ, не спрашиваетъ позволенія, чтобъ не попасть на дурное замѣчаніе, и суммы вездѣ обращаются въ экономію, а библіотеки уѣздныя безъ книгъ и учителя безъ чтенія, легонькой огонекъ, таящійся въ груди ихъ, безъ пищи.

Базарный день въ уѣздномъ городѣ не безъ занимательности: есть и живость, и движеніе, и разнообразіе, и предметы для живописи.

Переправлялся чрезъ Волгу на паромѣ. Перевозчикъ посадилъ всѣхъ мужиковъ помоложе за весла. Бабы уgnѣздились къ сторонкѣ; я сѣлъ подлѣ, чтобъ подслушать ихъ разговоръ, а между тѣмъ смотрѣлъ на подплывавшія суда, дабы не подать имъ подозрѣнія.

Первымъ предметомъ разсужденія были покупки на базарѣ, кто что купилъ, за сколько. Покупки были пересмотрѣны и осмыслены замѣчаніями. Потомъ разговоръ перешолъ нечувствительно къ работѣ. Всѣ онѣ переспросили одна другую, есть ли у кого сноха, у кого не вѣстка, какого она права, работяща ли, и проч.

«У меня есть невѣстка, замѣтила одна; вотъ какая навязалась, что житья нѣтъ: не хочетъ себѣ работать да

и только; чуть отвернешься, она уже и паровить сложить руки. Одного мужа боится. Лишь завидить его или заслышать, таже баба да не та»

Далѣ лень обратилъ на себя общее вниманіе. Всѣ бабы рассказали, у кого какъ онъ родился, тонокъ ли, дологъ ли, волокнистъ.

Наконецъ одна изъ нихъ, лѣтъ подъ сорокъ, овладѣла разговоромъ, и умильнымъ, естественнымъ голосомъ начала описывать свои обстоятельства. Хотя въ нихъ ничего не было необыкновеннаго для ея слушательницъ, но онѣ слушали ее со вниманіемъ, подгорюнясь, и прерывая рѣчь вздохами и односложными вопросами:

«Что за сынка Богъ далъ мнѣ! То-то доброй, то-то смирной, безотвѣтной! Я ходила теперь навѣщать его на мѣльницѣ. Вотъ, родимыя мои, работа-то тяжелая,—тридцать три ступени на мѣльницу. А мѣшки-то—по пяти пудовъ, поноси-ка ихъ! Сколько разъ оборотится. Изхудаль, мое дитятко! Наплакалась я на него, глядячи на моего милаго. Хочу взять. Да гдѣ другаго-то мѣста пайти?... Охъ житье наше горемычное!»

Между тѣмъ паромъ приблизился къ берегу. Перевозчикъ обходилъ и собиралъ деньги. Бабы полезли за своими платками и полотенцами. Потомъ припались развязывать узелки. Всякая копейка увязана была въ пяти узлахъ,—копейка потовая, кровная. Я далъ имъ двугривенный. Что за удивленіе выразилось на ихъ лицахъ! Онѣ смотрѣли на меня во всѣ глаза, и не могли промолвить ни слова. Ужъ послѣ того, какъ я вышелъ на берегъ и сталъ подниматься на гору, слышались благодарныя восклицанія, и провожали меня до самаго верха горы. Боже мой! сколько радости можетъ доставить иногда двугривенный!

Расскажу здѣсь ктати примѣчательный анекдотъ, который я слышалъ послѣ объ одномъ Кинешемскомъ мѣщанинѣ: онъ послалъ сына, лѣтъ 17-ти, куда-то на сельскую ярмарку. На возвратномъ пути мальчика убили

двое мужиковъ, думая, что у него много денегъ. Преступники были пойманы, сознались, и наконецъ осуждены на каторжную работу. Ихъ погнали мимо дома несчастнаго отца, у котораго они отняли единственнаго сына; старикъ и старуха стояли у воротъ. Мать, увидя убійцу, начала проклинать ихъ, и призывать на нихъ Божіе наказаніе. «Молчи, баба!» закричалъ на нее старикъ. «выноси скорѣе сюда, что есть у тебя въ печи. Подавай пироги, кашу. Мы угостимъ ихъ на дорогу! Богъ велитъ творить добро ненавидящимъ насъ. Господа служивые! позвольте намъ поподчивать васъ хлѣбомъ-солюю.» И старуха должна была вынести все, что у ней было приготовлено.... Вотъ героизмъ добродѣтели! Вотъ перло въ исторіи! Вотъ на какихъ чувствахъ держатся царства! Если бы всѣ подобныя черты собираемы у насъ были по городамъ и сохранялись въ ихъ частныхъ исторіяхъ—на память родамъ, въ поученіе и назиданіе потомкамъ!

По дорогѣ вездѣ прекрасная аллея бережокъ.

Чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ ямщики разстороннѣе, и за то безнравственнѣе; развратъ и нѣлицство оставляютъ свои отвратительные слѣды на лицѣ. Ничего нѣтъ грустнѣе, какъ смотрѣть на этихъ одичалыхъ людей, которые вышли изъ первоначальной крестьянской простоты, а изъ городовъ заплели только ихъ пороки!

Въ Костромѣ пріѣхали мы ночью. Что за комнату отвели намъ на постояломъ дворѣ! Не могъ уснуть ни минуты: все тѣло вснухло. О Русь! Скорѣе снасаться въ тарантасъ. Протѣзій сидѣлецъ на сѣнникѣ сказывалъ сказку какую-то пренелѣпную,—а товарищи слушали его съ удовольствіемъ и останавливали поминутно прося объясненій. Слѣдовательно есть охота у нихъ, есть чувствительнѣе; послѣ тяжелыхъ трудовъ для нихъ удѣльное время отъ сна на слушаніе подобнаго вздору. Всего забавнѣе показались мнѣ собственныя вставки рассказчика, какъ онъ принимался судить и бранить дѣйствующихъ лицъ, какъ будто бы самъ имѣлъ съ ними дѣло. Динь

только они угомпились, и я забылся, отвязалась лошадь от коневяжи, пошла бродить по всему обширному двору, и наконецъ приступила съ своимъ рыломъ къ нашему тарантасу. Я закричалъ. Никто не слышитъ. Повѣствователь и его публика храпѣли безъ памяти. Фонаря не было. Хозяинъ или дворникъ вѣрно запрятались въ избу. Поперекликавшись съ одною лошадыю, а наконецъ усталъ и уснулъ, но въ просонкахъ слышалось мнѣ долго ея ржаніе и круговое путешествіе. О Русь!

14. Поднялся съ позаранку къ рѣкѣ. Жаль, что туманъ мѣшаетъ видѣть вдаль, а видъ на Волгу и заволожье долженъ быть прекрасный. Въ Гимназію. Еще слишкомъ рано, и я засталъ только одного ученика, который чертилъ на доскѣ математическія фигуры. Къ Директору, который живетъ въ какомъ-то старомъ, разваливающемся замкѣ, предназначенномъ къ сломкѣ и возсозданію. Первый вопросъ, пѣтъ ли въ городѣ какихъ охотниковъ до древностей и собирателей. «Нѣтъ никакихъ.» Мы заговорили о новомъ домѣ для Гимназіи, какъ вдругъ входитъ женщина, въ чепчикѣ, бѣдно, но опрятно одѣтая, съ мальчикомъ, и прямо въ ноги къ Директору. Онъ смутился. «Помилуйте, сударыня, какъ вамъ не стыдно, что это значить?» — «Батюшка, у меня семеро дѣтей, вотъ старшій!» — «Такъ что же вамъ угодно?» — «Примите его въ Гимназію.» — «Для этого не нужно никакой просьбы. Черезъ недѣлю начнутся экзамены вступительные.» — «Да нельзя ли, батюшка, принять его въ 3 классъ.» — «Онъ будетъ принять, судя по своимъ познаніямъ, куда достоинъ. Гдѣ онъ учился?» — «Въ уѣздномъ училищѣ такомъ-то. Первый былъ. И учитель хвалилъ его мнѣ лучше всѣхъ. Вотъ и свидѣтельство.» — «Изъ уѣзднаго училища не лзя попасть ему въ 3 классъ: онъ не учился въдъ по Латинъ.» — «Батюшка, да что же ему дѣлать во 2 классѣ. Онъ тамъ все знаетъ.» — «Конечно, ему не будетъ ни-

чего новаго, но безъ Латинскаго языка нельзя учиться въ 3 классѣ.»—«Чѣмъ же мнѣ содержать его столько лѣтъ. Ему надо скорѣе хлѣбъ доставать самому.»—«Такъ отдайте его въ службу.»—«Жалко, батюшка, охотится онъ учиться, и учитель больно хвалить и совѣтуетъ.»—«Зачѣмъ вы держали его въ училищѣ такъ долго; ему бы выйти изъ 2 класса, было бы все равно?»—«Отецъ мой, я не знала этого, а учитель совѣтовалъ оставить его въ училищѣ.»—«Разумѣется, учителю всегда жаль отпускать отъ себя хорошаго ученика, которымъ украшается училище.» Старушка принялась опять кланяться, не смотря на всѣ доказательства Директора, котораго я и оставилъ защищающаго всѣми общими мѣстами крѣпость Латинской этимологіи, безъ всякой надежды со стороны моей на побѣду.

Отыскавъ достопочтеннаго Ѳ. И. Васькова, по благосклонности котораго я пользовался въ Москвѣ описаніями Повгорода при генеральномъ земель размежеваніи. Онъ далъ мнѣ свои дрожки съѣздить въ Ипатьевской монастырь.

Этотъ монастырь, знаменитый въ Россійской Исторіи, стоитъ на берегу Костромы, въ верстѣ, кажется, не болѣе отъ города.

Надо же случиться, что въ монастырѣ Годуновскомъ, который основанъ родоначальникомъ Годуновыхъ, (крестникомъ Митрополита Петра), который былъ распространенъ и обогащенъ его потомками, здѣсь погребенными, чтобъ въ этомъ монастырѣ нашелъ себѣ убѣжище и спасеніе Михаилъ, родоначальникъ фамиліи Романовыхъ! Годуновы созидали для Романова!

На право отъ большихъ вратъ стоятъ скромныя кельи въ два жилья, гдѣ скрывался юноша съ своею матерью. Онъ выкрашены снаружи пестрыми шахматами по старымъ слѣдамъ, кое-гдѣ открывшимся изъ-подъ позднѣйшей краски. Вошелъ по новой наружной лѣстницѣ. Прошелъ по тѣснымъ комнаткамъ, въ два ряда

безъ коридора, съ старыми изразцовыми печами, съ торцевыми полами.... Въ углу образъ Оеодоровской Божіей матери.

Михаилъ былъ Государь именно такой, какой былъ нуженъ для Россіи въ то время: тихій, миролюбивый, даже слабый. Будь онъ тверже, воинственнѣе, онъ не согласился бы на уступки Полякамъ и Шведамъ, и могъ бы подвергнуть новой опасности истомленную и опустошенную Россію.

Осмотрѣвъ Зеленую башню, подъ коею Михаилъ съ матерью встрѣтилъ торжественное шествіе посольства Московскаго, съ Московскими иконами, которыя несли Палицынъ, Оеодоритъ и проч. Посольство почевало въ Селищахъ, по ту сторону рѣки.

Осмотрѣвъ комнаты, зашелъ съ своимъ почтеніемъ къ Преосвященному Владиміру, которому угодно было самому показать мнѣ примѣчательности ризницы и собора. Вездѣ слышалось ими Годуновыхъ: этотъ образъ положенъ вкладомъ такимъ-то Годуновымъ; это Евангеліе написано по приказанію такого-то Годунова. Есть и Борисовы приношенія. Главнымъ вкладчикомъ былъ Борисъ Димитрій Ивановичъ Годуновъ, дядя Борисовъ. Ему Ипатьевскій монастырь обязанъ больше всехъ. Я видѣлъ здѣсь точь въ точь подобную Псалтирь, за какую одинъ торговецъ просилъ съ меня на ярмаркѣ 1500 р.

Здѣшнему монастырю непременно надо бы взять подъ свое покровительство Бориса Оеодоровича, и снять съ него хоть нѣсколько преступлений, столь щедро возводимыхъ пристрастными лѣтописателями.

Говорилъ объ немъ съ Преосвященнымъ, который однакожь никакъ не расположенъ къ несчастному Борису Оеодоровичу.

Въ соборѣ примѣчательны двери, весьма древнія, одного рода съ Кирилловскими и Александровскими.

Стѣнная живопись конца 17 вѣка, Путешественникъ—

живописецъ долженъ снѣть бы себѣ рисунки со всѣхъ образовъ, коихъ время извѣстно, а здѣсь ихъ много изъ 16 и 17 вѣка, съ означеніемъ годовъ. Много также примѣчательныхъ крестовъ, воздуховъ, чашъ, хоругвей; напр. хоругвь съ шитыми образами временъ царя Алексѣя Михайловича. Пресвященный показывалъ мнѣ древнѣйшую икону, представляющую явленіе Мурзѣ Честу, родоначальнику Годуновыхъ,—Божія Матерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, и предстоящими Апостоломъ Филиппомъ и Муч. Инатѣемъ. Она поновлена въ 1605 году.—Замѣтимъ одинъ изъ колоколовъ (въ 600 пудовъ), слитый за село, часы съ перечащемъ, придѣлъ Михаила Маленна, Ангела Михайлова, Царское мѣсто деревянное, присланное Михайломъ Оедоровичемъ.

Воротившись въ Кострому, хотѣлъ непременно засвидѣтельствовать свое почтеніе отцу Протоіерею Арсеньеву, который священствуетъ уже слишкомъ 50 лѣтъ при соборѣ, и извѣстенъ своими проповѣдями, простыми, искренними и убѣдительными.

Старецъ еще свѣжъ и бодръ, и обводилъ меня самъ по собору; онъ какъ будто сжился, сросся съ зданіемъ и составляетъ его часть. Ему особенно обязаць соборъ своимъ устройствомъ и украшеніемъ. Съ какимъ удовольствіемъ рассказывалъ онъ о всякой вещи! «Вотъ это паникадило повѣсиль я тогда-то. Этотъ окладъ сдѣланъ по такому-то случаю. Теперь отдѣливается вотъ этотъ придѣлъ. А какова наша колоколья! Ее строилъ простой мужичекъ,» и проч. и проч.

Первое сокровище собора, губерніи и города, есть икона Оедоровскія Божіей Матери, явившейся въ 1289 году, на поклоненіе которой безпрестанно стекаются богомольцы.

Я зашелъ къ нему въ комнаты, и видѣлъ книгу, заведенную имъ для записыванія примѣчательныхъ происшествій, касающихся собора. Жаль, что не успѣлъ списать

примѣчательнаго предисловія, написаннаго Ю. П. Бартевымъ, подарившимъ ее достойному Протоіерею.

Мѣстоположеніе Собора, на крутомъ берегу Волги, прекрасно. Описаніе его напечатано.

Площадь предъ домомъ Генераль-Губернатора, которую Государь Императоръ повелѣлъ называть Сусанинскою, превосходна. Достойная награда великому мужу, которому, въ бѣдной его избѣ, судьба предоставила случай сдѣлаться спасителемъ Михаила, и слѣдовательно всего рода Романовыхъ!

Быль на военномъ ученѣ на полѣ, куда собрался весь городъ, незнакомый съ подобными зрѣлищами.

Московскій радушный обѣдъ у О. И. В., въ обществѣ Я. В. П. и П. И. В. Наслушался славныхъ вещей о городахъ, о иричинахъ возвышенія однихъ и упадка другихъ, о мѣстныхъ промыслахъ, о желѣзныхъ дорогахъ, о винныхъ откунахъ. Ахъ, еслибъ столицы были знакомѣ съ губерніями! Сколько узнаешь въ иномъ городѣ, или даже въ иной деревнѣ, въ курной избѣ,—чего и не пригрѣзится на наркетѣ! Запишу одно замѣчаніе: откупщику доставляетъ доходъ не пьяница, а воздержный.—Какъ такъ?—«Пьяница пропьетъ все разомъ, а потомъ и заговется. Воздержный пьетъ по немногу, и доставляетъ постоянный доходъ.» О еслибъ всякой Русскій крестьянинъ могъ пить по чаркѣ, по двѣ. въ день! Какъ бы это было здорово для него, полезно для купца и помѣщика, и выгодно для откупщика! Слышалъ о какой-то лѣтописи города Костромы въ Думѣ; объ отличной деревянной церкви въ Желѣзномъ борку, томъ монастырѣ, гдѣ оставался Темный во время послѣдняго сраженія его войскъ съ Шемякою. «Такая странная архитектура, говорятъ; такія разныя вычурныя украшенія, что чудо!» Надо бы срисовать, пока она не развалилась. Желѣзной борокъ примѣчательнѣе еще тѣмъ, что тамъ постригся Григорій Отрѣпьевъ.

Отправился въ Галичъ. Дорога лѣсиста. Есть очень хорошія усадьбы, напримѣръ имѣщика Н. Н., которую

ямщикъ не проѣхалъ, а проскакалъ, такъ что у меня искры сыпались изъ глазъ. Что съ тобою сдѣлалось? спросилъ я, едва переведя духъ. «Здѣшній баринъ держитъ станцію. Онъ и подумаетъ, что это его лошадей такъ гоняють.» — Но чтожь тебѣ отъ этого.» — «Да такъ, пускай посердится.»

Въ Судиславль пріѣхали мы уже поздно вечеромъ. Я расположился въ избѣ, и велѣлъ поставить самоваръ. Чисто, опрятно, и все есть, что ни спросишь. Какъ пріятно найти порядокъ, гдѣ бы то ни было. Старуха прислужница насмѣшила меня такъ, какъ я давно уже не смѣялся, разумѣется внутренно. Начать съ того, что всѣ нужныя вещи подавала она съ особенными умиленными поговорками: «вотъ вамъ, батюшка, ложечка,» «вотъ и полотенечко,» «вотъ полоскательная чашечка.» Какъ самоваръ вскипѣлъ и я началъ дѣлать чай, она стала передо мною пригорюнясь и повела рѣчь. «А что, батюшко; усадьба у тебя есть?» Нѣтъ, тетушка, нѣту. «А домикъ есть?» Домикъ есть. «Ну, слава Богу, батюшка! и то хорошо. Такъ стало быть ты служишь.» Служу. «Доброе дѣло! И жалованья получаешь?» Получаю. «А много получаешь жалованья?» Довольно съ меня. «Не отдаешь ли и въ наемъ чего изъ домика?» Отдаемъ. «Ну а люди есть свои, батюшка?» Своихъ нѣтъ. «Такъ кто же тебѣ служитъ—наемные?» Наемные. «Много платишь, родимой?» Не слишкомъ.—Подъ конецъ вопросовъ словоохотной старушки, я захотѣлъ потѣшить ее и доставить случай поговорить о себѣ. «А у тебя, тетушка, дѣтки есть?» началъ я вопросы, подавая ей стаканъ чаю. Она только того видно и ждала; и отблагодаривъ за чай «о батюшка, на что? ты бы кушалъ самъ, — дѣло дорожное,» пустила свою рѣчь и сообщила мнѣ полныя біографіи своихъ трехъ дочекъ, ихъ мужьевъ, сколько у которой дѣтей, какъ ихъ зовутъ, и проч. и проч. Самоваръ былъ уже пустъ, и ямщикъ пришелъ сказать, что лошади готовы, а старушка моя только что входила въ азартъ, подводя свою че-

тыринадцатую внучку, Агаююшу, подъ вѣнецъ. Разскажь прерванъ. «Эка бѣда, бабушка, падо вѣхатъ, я не узнаю, какъ ты отнирвала свадьбу. Ну ужъ мастерица ты разсказывать!» «Да не воротишься ли ты скоро сюда?» Пѣтъ, я но другой дорогѣ поѣду. «Такъ видно и быть, кормилецъ!» И мы разстались добрыми друзьями!

Для меня пріятно было слышать, между прочимъ, что старушка совершенно довольна своимъ состояніемъ и любить своихъ господъ.

Было поздно, и я, къ сожалѣнію, не могъ заѣхать къ Напурину, у котораго есть множество Строгановскихъ образовъ. Онъ купилъ ихъ гдѣ-то на сѣверѣ, по случаю, въ церкви; уступилъ часть другимъ охотникамъ за большія деньги, но оставилъ еще много и у себя.

15. На разсвѣтѣ увидѣлъ я *Галичъ*. Прекрасный видъ съ горы! Городъ лежитъ въ долинѣ, на берегу озера. Съ горы видишь его какъ на блюдечкѣ. Поднимающіяся главы церквей придаютъ разнообразіе картишѣ. Не удасться ли собрать мнѣ здѣсь что нибудь о знаменитомъ Шемякѣ, последнемъ противникѣ Московскаго единодержавія, который списалъ себѣ такую худую славу, а адвоката еще хуже! Однако честь времени, въ которое дурной судья былъ такъ необыкновененъ, что сдѣлался притчею!

Здѣсь было последнее сраженіе междоусобныхъ войнъ, здѣсь родился Филиппъ Митрополитъ, Святый, состязавшійся съ Грознымъ; отсюда родомъ и Григорій Огреньевъ, которому пришлось, кажется, даромъ нести на себѣ имя Дмитрія Царевича вмѣсто настоящаго самозванца, — самозванецъ по неволѣ!

Въ бумагахъ Калайдовича попадалась мнѣ записка, что Отреньевы просили у Михаила Ѳедоровича, кажется, позволенія оставить свое имя, и прозвались Нелидовыми, по другой отрасли ихъ рода. Еслибъ нашлась эта просьба, то мы получили бы много для заключенія, точно ли

самозванецъ былъ Отрѣнъевъ или другой кто. Вѣрно тамъ были какія нибудь намеки или даже ясныя указанія. Отрѣнъевы должны были говорить: «изъ нашего рода былъ такой-то, и мы не хотимъ называться именемъ, которое онъ обезчестилъ.» Или: «на нашъ родъ наложено пятно мнѣніемъ, будто одинъ изъ насъ припалъ царское имя; и мы просимъ снять это пятно.»

Пошелъ по городу, въ ожиданіи обѣдни. Сколько верстъ до Солигалича? спрашивалъ я кое-кого изъ прохожихъ. Столько-то. А до Вологды оттуда? Не знаетъ никто. Сколько верстъ отъ Галича до Вологды, также не знаетъ никто. «Мы батюшка туды не ѣзжали. Вотъ въ Костромѣ такъ бывали: 120 верстъ.»

Въ училищѣ, гдѣ нашелъ своего ученика Смотрителемъ, отыскалъ ландкарты, и кое-какъ сочинилъ себѣ маршрутъ.

Цыпъ крестный ходъ изъ собора въ Паисіевъ монастырь. Отправился съ народомъ. Въ женскихъ нарядахъ много живописнаго; дѣвичьихъ не видать. Я спросилъ о причинѣ. Дѣвицы стыдятся выходить даже въ церковь, за то по вечерамъ высѣпаютъ всѣ играть въ хороводы (водить круги) вмѣстѣ съ парнями, что продолжается до глубокой ночи. Мать укоряетъ дочь, если за ней мало волочатся. «Когда это бываетъ особенно?» «Нынче будутъ непременно самыя богатые хороводы. Впрочемъ такія гулянья продолжаются почти все лѣто, отъ праздника до праздника. Самое богатое купечество отпускаетъ дочерей своихъ въ круги.» «Но это опасно для нравственности?» «Не безъ того-то, особенно теперь, когда въ кругахъ начали принимать участіе полковые. Жида-музыканты—эти злодѣи хуже всѣхъ. Заводятся и болѣзни.» Такъ обыкновенія самыя невинныя, самыя патріархальныя въ своемъ началѣ, самыя интимическія (вечерницы въ Мало-россіи) со временемъ ветшаютъ, и дѣлаются источникомъ разврата.

Насилу дотащился я по жару до монастыря. Около ограды стояло множество телегъ, изъ состѣнныхъ деревень. По погосту лежали въ разныхъ положеніяхъ усталые пѣшеходы, которые всѣ вдругъ поднялись встрѣчать кресты. Разнощики съ пряниками, калачами. Полусельская картина. Заглянулъ въ церковь, въ которой нѣтъ ничего стараго. Смотрителю понадалось много знакомыхъ, и я начиналъ рѣчь со всякимъ, надѣясь что нибудь вывѣдать о древностяхъ. «Нѣтъ ли чего у Тяпкиныхъ?» сказалъ въ отвѣтъ одинъ. «Откуда же?» «Послѣ Зиновьева Арсенія Степановича, который велъ записку обо всемъ лѣтъ тридцать.» Понались Тяпкины. «Нѣтъ ли у васъ чего?» «Нѣтъ ничего.» «Было, да разтащили; вотъ нѣтъ ли у Сунгуровыхъ, или у Козлова.» Такимъ образомъ всѣ пересылали другъ отъ друга, но единогласно показывали на Арсенія Ивановича Тычинкина, какъ на единственнаго охотника и собирателя, которому отдавали всѣ и все. Кто же такой этотъ Арсеній Ивановичъ Тычинкинъ? Здѣшній мѣщанинъ, живописецъ. Послѣ я вспомнилъ, что онъ находится въ числѣ соревнователей нашего Общества Историческаго. «Поведите меня скорѣе къ нему.» «Онъ умеръ третьяго года.» «А гдѣ же его бумаги?» «Бумаги его взялъ....» «Не осталось ли чего?» «Можно справиться.»

Нѣмецъ Аптекарь, (одинъ на четыре уѣзда) сказалъ мнѣ, что есть золотая монета въ Солигаличѣ, съ изображеніемъ Ивана Васильевича Грознаго. Попросилъ развѣдать.

Не примѣтно никакой надежды узнать здѣсь что нибудь новое; но я рѣшился остаться до вечера, чтобъ посмотреть на знаменитые *круги*.

Между тѣмъ мы воротились въ городъ. Добрый мой смотритель послалъ за бумагами къ Тычинкиной, и выпросилъ у купца-сосѣда бѣговья дрожки съѣздить въ Рыбацкую слободу, къ старику Козлову.

Осмотрѣлъ старинный валъ кругомъ города, съ кото-

раго надо бы снять планъ. На крутой горѣ предъ озеромъ показываютъ мѣсто Шемякина дворца.

Старикъ Козловъ принялъ насъ ласково. «Я слышалъ, что вы любите старину, и я до нея охотникъ; не лѣзя ли полюбоваться что вамъ Богъ пособилъ собрать?» — «Нѣтъ, батюшка, ничего у меня нѣтъ. Была книга дорогая, рукописная, на пергаментъ, да пріятель зажилъ.» — «Какой же пріятель?» — «Онъ уже умеръ лѣтъ десять назадъ.»

На стѣнкѣ висѣла родословная старика степеней на шесть или на семь. Я принялся хвалить такое уваженіе къ роду, которому въ ихъ сословіи (т. е. мѣщанствѣ) я и примѣра не видывалъ, и старикъ мой разнѣжился. «Можно бы еще продолжить ее степеней на шесть, и Арсеній Ивановичъ обѣщалъ мнѣ отыскать въ магистратѣ, да умеръ. Родъ нашъ старинный, лѣтъ триста. Нынче что! Нынче народъ избаловался. Ни объ чемъ знать не хотятъ. Богъ ихъ знаетъ, изъ чего живутъ.» Я поддакивалъ старику, и онъ продолжалъ: «Ну вотъ хоть бы у насъ въ запрошломъ годѣ было затменіе! Что за чудныя знаменія были на небѣ. Палило какъ огнемъ. Дистъ весь помертвѣлъ. А никто нигдѣ ни словечка не напечаталъ.» — «Когда же это было?» — «31 Іюля.» — «Или при Французахъ завелась было у насъ зараза. Учредили богомоленіе, и она прекратилась. Сосѣдъ Иванъ Григорьевъ лежалъ при смерти, дня два безъ языка, а тутъ всталъ какъ ни въ чемъ не бывалый; или Ѳедоръ Петровъ, * тоже — изъ гроба почитай поднялся, и никто уже не умиралъ послѣ. А теперь все это забывается. Хоть бы крестный ходъ установить.... Я просилъ, и прочъ.» Старикъ такъ разговаривался, что мнѣ жаль стало разстаться съ нимъ.

Воротаясь, мы нашли уже привезенныя бумаги Тынчинкина: нѣсколь кочерпевыхъ лоскутковъ и писемъ. Видно однакожь, что онъ составилъ-было Исторію и описаніе

Я ошибаюсь, кажется, въ именахъ, не разобравъ у себя карандаша.

Галича, которыя должны быть теперь у Г. П. — Авторъ, судя по письмамъ, горько жаловался, что сочиненіе его не только не печаталось, но и не возвращалось къ нему въ руки.

Въ училище пріѣхалъ нѣтъ Почетный Смотритель — присутствовать при раздачѣ похвальныхъ листовъ и прочихъ награжденій отличнымъ ученикамъ. Очень пріятно было познакомиться съ Г-мъ Ш., который кончилъ недавно курсъ въ Петербургскомъ университетѣ. Онъ разсказалъ мнѣ о Солигаличѣ, и совѣтовалъ ѣхать прямо на Буй, ибо тамъ деревняго ничего нѣтъ.

Ученые начальники требовали непременно, чтобъ я остался у нихъ обѣдать. Доженъ былъ удовлетворить ихъ желанію, хоть и было досадно вмѣсто здѣшнихъ ершей, которыми славится Галицкое озеро по всему околотку, былъ наказану неизбежными котлетами и бифстексомъ.

Послѣ обѣда былъ актъ. Почель долгомъ почтить ученое торжество. Ученики, по большей части въ кружокъ остриженные, въ кафтанахъ, сидѣли чинно по лавкамъ. Штатный Смотритель прочелъ имена, Почетный роздалъ награжденія. Я спросилъ, не хочетъ ли кто переходить въ Гимназію? Никто.

И никогда почти не бываетъ охотниковъ. Развѣ изоста одинъ, судя по тому, что я слышалъ во всѣхъ училищахъ.

Кстати я скажу нѣсколько словъ о всѣхъ. До старшаго класса, при всѣхъ просьбахъ учителя, едва доходить десятая или даже двадцатая доля. Родители, городскіе мѣщане, берутъ ихъ, лишь только они выучатся грамотѣ; больше имъ ничего не надо. Дворяне, Чиновники везутъ дѣтей своихъ въ губерпскій городъ съ самаго начала, не терпя, чтобъ они сидѣли на одной лавкѣ съ оборванными, босоногими ребятишками улицъ.

Какимъ образомъ заохотить теперь этихъ бѣдныхъ людей, чтобы они оставляли своихъ дѣтей оканчивать по крайней мѣрѣ курсъ уѣздныхъ Училищъ? Эта обязанность лежитъ на насъ, на ученомъ сословіи. Правительство учре-

дило училища, содержать учителей, дасть деньги на библиотеки, обезпечило семейства, а болѣе оно не можетъ сдѣлать ничего. Мы, мы, чтобы доказать нашу глубочайшую благодарность за его отеческія попеченія, обязаны, вмѣстѣ съ Духовенствомъ, позаботиться о средствахъ распространять данное намъ просвѣщеніе, и доводить его до низшихъ слоевъ общества, погрязающаго теперь по городамъ въ невѣжество самое грубое и дикое.

«Отъ чего такъ мало учениковъ въ старшихъ классахъ?» спрашивалъ я всѣхъ учителей и смотрителей, и получалъ одинъ отвѣтъ: «не хотятъ, невѣжды, не понимаютъ ученія, не цѣнятъ.» Нѣтъ, друзья мои, не въ томъ заключается причина. Учимъ ли мы такъ, чтобы хотѣли у насъ учиться? Русскій человѣкъ толковитъ. Не можетъ быть, чтобы онъ не понималъ пользы ученія, если она покажется ему ясно, такъ, чтобы онъ могъ оцунать ее. Пользу чтенія и письма онъ понималъ, и теперь вы не найдете почти ни одного безграмотнаго между молодсжью въ городахъ. Вы даете ему такія свѣдѣнія, въ которыхъ онъ не видитъ нужды, напр. о Семирамидѣ и Сардананалѣ, о Калькуттѣ и Александріи, — мудрено ли, что отецъ берегъ сына изъ училища и сажаетъ его за прилавокъ! Но расскажите-ка ему, (не по гимназически и не по университетски) объ его городѣ, объ его губерніи, о столицахъ, о судахъ, о сословіяхъ, о торговлѣ, о промышленности, объ естественныхъ произведеніяхъ, и вы увидите, что не только дѣти, но и отцы придутъ васъ слушать! Простѣе, простѣе, какъ можно, и ближе къ дѣлу, къ жизни!

Учитель спросилъ при мнѣ въ одномъ училищѣ мальчика: два изъ семи сколько останется? Пять, отвѣчалъ безъ запинки малютокъ. Но какая хирургическая операція началась надъ его головенкою, когда дѣло дошло до того, что такое пять: вычитаемое или разность. Разъ десять повто-

рены были вопросы, и всякой разъ то пять сказывались разностью, то два вычитаемымъ.

Еслибъ я былъ учителемъ Словесности, то ничего не сталъ бы дѣлать съ дѣтьми, какъ только читать имъ — басни Крылова, Хемницера, Дмитріева, съ толкованіями, повѣсти или отрывки изъ повѣстей Загоскина, Дуганскаго, Лажечникова, Гоголя, комедіи, трагедіи, и почелъ бы себя обязанностію возбуждать только любопытство, внушать охоту къ чтенію, заставлялъ бы учить ихъ безпрестанно наизусть, но не грамматику, а Карамзина, Пушкина, Жуковского, приучалъ бы ихъ ухо къ благозвучію, образовалъ бы ихъ вкусъ. Подъ конецъ курса мнѣ легко было бы уже поразобратъ ихъ свѣденія, и показать различія въ словахъ, для того, чтобъ они выучились правильно писать.

Еслибъ я былъ учителемъ Исторіи, то началъ бы съ своего города: городъ нашъ Галичь, или Ростовъ, или Бѣлозерскъ,—городъ старой, давно уже стоитъ на этомъ мѣстѣ; ему лѣтъ сотъ пять или болѣе; онъ прежде былъ больше или меньше, богаче или бѣднѣе, но случились разныя обстоятельства, которыя привели его къ этому лучшему или худшему положенію. Съ самаго начала онъ принадлежалъ къ такому-то княжеству, ибо наша Русь была тогда раздѣлена такъ то, и вотъ что случилось у насъ примѣчательнаго. Вотъ какіе люди родились у насъ: Филиппъ Митрополитъ. Мощи его почиваютъ въ Москвѣ. Вотъ былъ пастырь! Это введеніе, а теперь расскажу я вамъ по порядку, что у насъ случилось. Отъ своего города легкой и естественной переходъ къ своему княжеству, а потомъ и ко всей Русской Исторіи. Но прежде всего я старался бы также возбудить охоту къ Исторіи. Вотъ что всего важнѣе для учителя уѣзднаго, гимназическаго, университетскаго—разшевелите сердце, возбудите охоту, а прочее все и безъ насъ пойдетъ своимъ чередомъ. Я прочиталъ бы имъ съ толкованіемъ анекдоты изъ жизни Петра Великаго, рассказалъ бы Исторію 12 года,

нашествія Татаръ, Поляковъ, біографіи какого нибудь Суворова, Ломоносова, или читаль бы имъ мѣста изъ Исторіи Карамзина, Данилевскаго, Глипки, и тому под.

Вы теперь много знаете — теперь приведемъ въ порядокъ, по годамъ, хронологически.

Русское наше Государство старо, но есть и еще старшее — единоплеменные намъ Славянскія такія-то, а вотъ и прочія Европейскія. Опять чтенія—изъ Исторіи Крестовыхъ походовъ, жизни Колумба, Наполеона, и тому под. Все это государства Христіанскія; но прежде Христа, прежде новаго міра, былъ древній. Здѣсь одинъ Плутархъ доставитъ пріятнѣйшаго занятія мѣсяцевъ на шесть.

Въ Географіи также я началъ бы съ своего города: нашъ городъ находится на Бѣль-озерѣ. Мѣсто у насъ высокое, которое по сторонамъ, но чрезъ нѣсколько сотъ верстъ опадаетъ, и продолжается равнинами. Отъ насъ выходятъ рѣки. Наше возвышеніе соединяется съ такимъ-то, откуда также идутъ рѣки. Наше озеро бурно — вы знаете, вотъ отъ чего. Въ немъ ловятъ много рыбы такой-то, которая продается повсюду. У насъ много рыбы, но мало вотъ чего, и это получаемъ мы оттуда. Сообщенія наши вотъ какія.

Русская Географія соединилась бы со всеобщемою и заняла бы пріятнѣйшимъ образомъ дѣтей. Путешествія сдѣлались бы любимымъ ихъ чтеніемъ — а сколько ихъ можно выбрать!

Еслибъ я былъ законоучителемъ, то читаль бы имъ безпрестанно Евангеліе. Что за славныя вещи есть въ церковной Исторіи древней и новой!

Кончивъ 25 лѣтъ своей профессорской службы, я непременно на годикъ—мѣста сдѣлаюсь уѣзднымъ Учителемъ или Смотрителемъ, куда я и собирался однажды, и увѣренъ, что этотъ годъ будетъ однимъ изъ полезнѣйшихъ, если Богъ поможетъ. Я говорилъ теперь, что попалось мнѣ съ перваго взгляда; но на мѣстѣ, видя предъ собою безпрестанно своихъ сюжетовъ и пациентовъ, разумѣется

и привелъ бы въ порядокъ свои мысли, получилъ бы много новыхъ, и написалъ бы, можетъ быть, порядочное наставленіе учителямъ на будущее время.

Возразятъ: гдѣ взять такихъ учителей, которые поняли бы, въ чемъ дѣло. А я отвѣчу: поймутъ всѣ, лишь толькобъ имъ растолковать хорошо, въ чемъ дѣло. Экзамены, (прекрасное сначала учрежденіе), губятъ насъ, сдѣлавшись цѣлью ученія, а не средствомъ!

Въ училищахъ учатся мальчики лѣтъ по 15 и 16. Помилуйте, чего пельзя имъ растолковать. Но теперь, теперь они у насъ мученики грамматики, какіе до насъ были мученики Часовника и Псалтиря.

Уѣздному мальчику можно и должно сообщать свѣдѣнія о сословіяхъ, о судахъ, о дѣлопроизводствѣ.

Изъ училища пошли мы къ протоіерею, Магистру Петербургской Академіи. Замѣчу, что Петербургскіе воспитанники имѣютъ совсѣмъ другой характеръ, нежели Московскіе. Не случилось мнѣ еще встрѣчаться съ Кіевскими.

Чистенькія, опрятненькія комнаты, порядочная библіотека, и радушиное угощеніе.

Разговоръ завелъ я о нравственности жителей. Она упадаетъ вездѣ по городамъ. Замѣчательно, что здѣшніе жители указываютъ все на Устюгъ: «такъ въ Устюгѣ.» Доказательство древняго сношенія этихъ городовъ: Галичъ, Сольгаличъ, Вологда, Устюгъ, Бѣлоозерскъ, Новгородъ, Холмогоры, а по сторонамъ Ганза и Сибирь, — вотъ нѣкогда міръ торговый, живой, разнообразный, который уничтоженъ Петербургомъ, давшимъ торговлѣ новую жизнь и другое направленіе.

У насъ не достаетъ духа общежитія: сколько лицъ во всякомъ городѣ, которые моглибъ доставить другъ другу много удовольствія, но нѣтъ: они лучше любятъ скучать врозь, чѣмъ утѣшаться вмѣстѣ. О Славяне!

Ожиданіе мое не состоялось: круговъ очень мало, потому что завтра праздникъ и теперь начнется всенощная. Прошелъ по улицамъ. Попались два круга, очень немного-

численные, пенарядные и монотонные. Кругъ или хоро-
водъ тихо оборачивается, едва передвигая ноги. Посре-
динѣ ходить дѣвушка или парень, который старается при-
коснуться къ кому нибудь изъ играющихъ, и прикосно-
венный занимаетъ его мѣсто. Вотъ и все. Нѣтъ ни пѣ-
сень, ни рѣчей.

Обыкновенно кругъ выступаетъ съ края большой
улицы, идетъ вдоль ея, безпрестанно увеличивается, во-
зобновляется, поетъ, потомъ развязывается, идетъ по
два въ рядъ, поворачиваетъ въ сосѣднія улицы, переул-
ки, соединяется съ другими, и такимъ образомъ гулянье
продолжается до свѣту. Дѣвицы разряжены всѣ, какъ у
насъ на балахъ; костюмы прелестны: сарафаны, наслоны.

Разспрашивалъ я объ Отрепьевѣ — нѣтъ ни единого
слова. Это примѣчательно: еслибъ самозванецъ былъ От-
репьевымъ и это было извѣстно народу, то непременно,
кажется, имя его осталось бы хоть бранью, какъ имя
Мазепы. Видно, что современники не вѣрили или ско-
ро разувѣрились въ этомъ сочиненіи, и оно не пустило
корней въ сознаніи народномъ.

Фамилія Нелидовыхъ здѣсь очень многочисленна.

Никто не умѣлъ мнѣ сказать ничего о дорогѣ изъ Со-
лигалича въ Вологду. Судя по нѣкоторымъ показаніямъ,
выходить, что надо опять возвращаться на Буй, и по-
тому я рѣшился ѣхать прямо, тѣмъ болѣе, что Г. Щ.,
помѣщикъ Солигалицкій, охладилъ меня совершенно раз-
сказами о своемъ городѣ.

Разспрашивалъ о вещахъ, найденныхъ въ селѣ Туров-
скомъ—онѣ посланы въ Москву къ Н. А. Бестужеву. Хо-
тѣлось осмотрѣть имѣніе покойнаго П. П. Свиньина, ко-
торое досталось теперь Г. Жадовскому вмѣстѣ съ его
библіотекою; но мнѣ сказали, что видѣть ее, безъ вла-
дѣльца, нельзя.

комцемъ Преподобнаго Сергія, крестившимъ многихъ дѣтей у Димитрія Донскаго. Поклонился его праху, и образу, который, вслѣдствіе особаго опкровенія, былъ посылаемъ опстода къ Іоанну Васильевичу во время похода его подъ Казань въ 1503 году. Слѣд. древность около 350 лѣтъ этому образу извѣстна исторически, но, вѣроятно, онъ написанъ потчасъ по причисленіи Димитрія къ лику святыхъ, вскорѣ по его кончинѣ, въ началѣ 15 столѣтія. Другой образъ его столь же древній, швенный, виснущъ въ олтарѣ.

Вотъ подъ спудомъ мощи Св. Игнація, сказалъ проводникъ. Какого Игнація? Это былъ сынъ, какъ доискался я послѣ, Князя Андрея Васильевича, который, вмѣстѣ съ братомъ Димитріемъ, сосланъ былъ Іоанномъ III въ Прилуцкій монастырь, здѣсь поспригся, и прославился чудотвореніями. Исторія слишкомъ рано потеряла его изъ виду.

Въ ризницѣ еснѣ много древнихъ кресмовъ, складней съ мощами, рѣзныхъ образовъ отличной работы, принадлежавшихъ, вѣроятно, племяннику Іоанну III, и полученныхъ въ наслѣдство послѣ Темнаго, Донскаго, Кашны.

Принялся разсматривать сундуки съ книгами. Послѣ пѣсколькихъ церковныхъ рукописей вытаскиваю одну, въ древнемъ переплетѣ... Харатейная.. развертываю... первое слово попадаетъ подъ глаза Мспиславъ, потомъ Изяславъ.. я такъ и обмеръ отъ радости, колѣна у меня подогнулись.... Вѣрно какая нибудь лѣтопись: гдѣ же могутъ случиться такія имена? Но у меня не было силы перевернуть листы и посморгнуть на ея начало.... съ трепещущимъ сердцемъ, дрожа какъ въ лихорадкѣ, подамъ я рукопись Преосвященному, и едва могъ выговорить: Мспиславъ, Изяславъ. Онъ началъ перелистывать. Я опомнился, и посмѣдовалъ глазами. Увы! это только житіе Бориса и Глѣба среди поучительныхъ словъ и житій. Впрочемъ рукопись древняя и примѣчательная. Житіе не Песторова сочиненія, а другое, о которомъ я писалъ въ своемъ изслѣдованіи. Не могъ разобрать болѣе, и съ гора опсправилъ

ся въ слѣдъ за Преосвященнымъ къ Архіепископу Иринею, который здѣсь живетъ на-покой. Онъ сообщилъ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о Молдавіи, Валахіи, Бессарабіи, гдѣ онъ служилъ долго, и разбираалъ права собственности по древнимъ грамотамъ. Преосвященный родился въ тѣхъ спранахъ и поскуеетъ по своей опчизнѣ.

Осматривалъ кладовыя монашырскія съ сундуками древнихъ бумагъ, въ нѣмцѣ, подъ хламомъ, съ запертыми оконцами, въ шакомъ воздухѣ, гдѣ, кажется, задохнуться можно. Вѣрно здѣсь найдется еще много любопытнаго! Есть нѣсколько вещей, принадлежащихъ къ древнему оружію.

Думалъ дорогою о Всероссійскомъ музеѣ. Что если-бы собрать древнія вещи, одежды, оружія, рукописи, образа, изъ всей Россіи, (разумеется только изъ захолустьевъ, куда никто не ѣздитъ, и гдѣ онѣ лежатъ безъ употребленія), расположивъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ въ какомъ-нибудь зданіи Москвы, напр. Оружейной Палатѣ. Какое было бы величественное и поучительное собраніе! Мы увидѣли бы тогда осязаючи, что опцы наши были не такъ проспы и грубы, какъ мы, среди своего ученаго невѣжества, объ нихъ предполагаемъ. Сколько разсыпано всякихъ драгоценностей по лицу всей Россіи, гдѣ онѣ лежатъ безъ употребленія и пользы! Кому напримѣръ придется охота ѣхать въ Прилуки, (и даже въ Вологду), смотрѣть на шаковую примѣчательную рукопись, или рѣзный крестъ, или пелену. Тогда только какъ всѣ подобныя вещи будутъ храниться вмѣстѣ, можно будетъ написать исторію художества въ Россіи, исторію частной жизни и проч.

20. Гимназія просила нынѣ Преосвященнаго о посѣщеніи, и онъ пригласилъ меня ѣхать съ собою, чему я былъ очень радъ.

Ученики были всѣ собраны въ залѣ актовъ и спояли въ порядкѣ съ учителями въ полныхъ мундирахъ. Лишь только появился Преосвященный, встрѣченный на крыльцѣ Инспекторомъ, какъ раздалось привѣтствіе, прекрасно положенное на ноты:

жалъ видно къ грамотному товарищу, и чрезъ минуту воротился. «Сей часъ будутъ лошади, батюшка.» — Они видно совѣтовались прежде, какъ спросить у меня бумаги. Наконецъ лошадей привели и запрягли. Радъ-радъ былъ, какъ зазвентѣ колокольчикъ.

Не далеко отъ Дора, въ селѣ Сидоровѣ, увидѣлъ я церковь деревянную, но такой прекрасной архитектуры, что я заглядѣлся на нее. Каменные церкви наши построены по образцу Греческихъ, а потомъ со временъ Іоанна III съ Италіанскою примѣсю, — но въ деревянныхъ церквахъ, гдѣ онѣ сохранились, должно искать собственно Русскаго стиля. Эта—удивительная.

Вторая половина станціи, до Ивойнова, идетъ лѣсомъ, верстъ на 20. Преутомительная ѣзда. Ни человѣка, ни птицы. И безпрестанно повороты. По сторонамъ вѣлся дымокъ изъ угольныхъ ямъ — единственный признакъ движенія. Какъ я обрадовался, выбравшись на поляну передъ Ивойновымъ. Множество крестьянъ и бабъ на работѣ. Убираютъ яровое. За нами побѣжали двое, прося нанять ихъ на дальнѣйшій путь. Я очень обрадовался этимъ охотникамъ, которые не спрашивали даже и бумаги, — признакъ гражданской невинности. Между тѣмъ усталый, проголодавый, я радъ былъ отдохнуть и напиться чаю. Расположился въ избѣ будущаго своего ямщика.

Избы здѣшнія отличаются отъ нашихъ: онѣ состоятъ изъ двухъ этажей. Крестьянинъ съ своей семьей живетъ въ верхнемъ, куда ведетъ наружная лѣстница, а въ нижнемъ помѣщается мелкая скотина, бережется зимою хлѣбъ и квась, потому что тамъ не мерзнуть (голубецъ). Въ одной связи находится и *повѣтье* рядомъ съ жилою избою, отъ коей отдѣляется сѣнями. Повѣтье есть просто сарай, гдѣ стоятъ телеги, сани, лежитъ всякая упряжь. Крутой въездъ съ другой стороны избы. Подъ повѣтьемъ хлѣвъ для скотины.

Пока вскипалъ мой дорожный самоваръ, обошелъ съ своимъ хозяиномъ все его жилище. Оно просторно и у-

добно. Здѣсь все подъ руками; это большая выгода, но такія строенія возможны только тамъ, гдѣ много лѣсу и земли.

Изба еще топилась. Баба сажала хлѣбы въ печь, а между тѣмъ поджаривались у нее лепешки. Двое мальчишекъ, высуня языкъ, скакали на одной ножкѣ подлѣ нея, и дожидались пока мать вынетъ лепешки. Первую она предложила мнѣ: «не въ угоду ли отвѣдать нашего хлѣба-соли.» Поблагодарить ее.

Я взялъ, и, отвѣдывая, сказалъ ей: «Славныя лѣпешки — да никакъ опѣ изъ ситной муки?» Баба усмѣхнулась. «Изъ ситной!... Наготовишься изъ ситной вотъ для этихъ стригуновъ, (указывая на мальчишекъ). Благодарить Бога и на томъ, что для праздника просѣяла сквозь рѣшето, да почаще!» Богачи и сластолюбцы! понимаете ли вы различіе между хлѣбомъ просѣяннымъ сквозь сито, и хлѣбомъ просѣяннымъ сквозь рѣшето. Вотъ еще новая тонкая постепенность, — сквозь рѣшето почаще!

Да! сытый голоднаго не разумѣтъ, говорить пословица: живя въ горѣдѣ, въ довольствѣ и обиліи, и зная нужду, голодь, только по лексикону, въ отвлеченіи, — трудно переноситься въ крестьянской бытъ и понимать издали его горе и радости. Но эта баба, которая стояла передо мною и съ такимъ торжествомъ, рассказывала о своемъ рѣшетѣ почаще, которая такъ довольна была своей возможностью, и увѣрена, что больше и желать ничего нельзя, тронула меня до слезъ.... Ты улыбнешься по-вое, твердое, гордое поколѣніе.... извини меня, я принадлежу къ старому, я воспитанъ на Карамзинѣ, и.... и вставалъ когда-то самъ голодный изъ-за убогой отеческой трапезы въ первые годы послѣ нашествія Французовъ.

Мать одѣлила ребятъ по лепешкѣ. Отецъ сѣлъ на лавкѣ подлѣ окошкѣ, и началъ со мною разговаривать свободно, спокойно, благородно. Видно было, что это хо-

зяни въ своемъ дому, что онъ доволенъ своимъ состоянiемъ, не чувствуетъ ни какой нужды, и ни кого не боится.

Между тѣмъ вошелъ молодой парень, который привезъ меня; онъ помолился Богу передъ переднимъ угломъ, поклонился на всѣ стороны и сѣлъ.

— «Ахъ, дитятко, ты перезябъ. Съѣшь-ка горяченькаго!» сказала баба, подавая ему лепешку. Парень подошелъ и поблагодарилъ ее. «Который годъ тебѣ?» «Шестнадцатый.»

Никогда, смотря на изящное произведенiе дровяного ваянiя, не получалъ я такого полного впечатлѣнiя, такого яснаго понятiя, о... не приберу вдругъ Русскаго слова... о томъ свойствѣ, что Французы называютъ *candeur*,—какъ теперь, видя предъ собою этого молодого крестьянина въ нагольномъ тулупѣ, который только что теперь отпрягъ лошадей и заткнулъ за поясъ кузъ! Столько было скромности въ его движенiяхъ, стыдливости дѣвической въ его взглядахъ, какой-то робости въ его тихой, разстановистой рѣчи, сколько невинности въ его тонкомъ голосѣ!

Казалось, передо мною сидѣлъ тотъ юноша, о которомъ боялся Пушкинъ, чтобъ онъ на войнѣ не утратилъ

..... навсегда

Скромность робкую движенiй,

Прелесть ныи и стыда.

Бѣдность, нужда, вотъ что развращаетъ сначала народъ, и приводитъ его потомъ со ступени на ступень къ кабаку и пропасти, надъ коей кружится голова, темнѣетъ въ глазахъ. О, много надо подумать, прежде не жели осудить какого нибудь мужика-пьяницу, или вора-лакея. Татары причинили вѣковѣное зло нашему народному характеру, наложивъ свое тяжелое иго и приучивъ къ низкимъ хитростямъ рабства.

Разговоръ у насъ начался съ ихъ управленiя. «Довольны» батюшко; совершенно довольны. — И набольшій начальникъ хорошъ, и помощникъ его также.»—Это было казен-

ное селеніе. «А мужички у васъ каковы?» «Тихіе; батюшко, сказать что тихіе; мы вѣдь живемъ въ глуши.» «А сосѣди ваши?» И сосѣди тихіе. На Ночь (то есть къ Сѣверу) душъ сотъ пять есть такихъ же, и къ Полудню пять сотъ.» «Какъ у васъ хлѣбъ родился?» «Порядочной, да вотъ работа-то одолѣла теперь: прибѣшься какъ собака, рассуешься. Какъ господскіе-то поспѣваютъ, сердешные, я уже и ума не приложу.»

Два часа, проведенные много въ этой глухой деревнѣ, среди лѣсовъ, между Костромою и Вологдою, принадлежатъ къ числу самыхъ прїятныхъ, самыхъ сладкихъ въ моемъ краткомъ путешествіи. Мнѣ казалось, что я какимъ-то волшебствомъ очутился среди древняго Славянскаго племени, до Рюрика, до государства, до просвѣщенія съ Латинскою грамматикой, въ правахъ патріархальныхъ и чистыхъ, близко природы.

Да сохранить васъ Богъ, добрые люди, въ вашей чистотѣ и патріархальности, и да посылаетъ къ вамъ всегда добрыхъ стеновыхъ приставовъ и окружныхъ начальниковъ, какихъ имѣете теперь! Я простился съ ними какъ съ друзьями!

Крестьянинъ, который повезъ меня, былъ въ этомъ же родѣ, но простѣе, а въ рѣчи его было менѣе благородства. Онъ величалъ моего хозяина по имени и по отчеству, (кажется Иваномъ Никоновичемъ), и говорилъ безъ умолку. Сорокъ верстъ провезъ онъ меня до Грязовца. На половинѣ дороги лошадь зашибла ногу камнемъ, и онъ приунылъ, горевалъ уже вплоть до города; видно было, что его благосостояніе подверглось опасности.

Отъ Грязовца до Вологды еще сорокъ верстъ. Имя Грязовца напомнило мнѣ вдругъ статью, которую читалъ ребенкомъ тридцать лѣтъ назадъ въ Русскомъ Вѣстникѣ С. Н. Глинка, о геройской смерти Генерала Мазовскаго, (подъ нѣю было подписано Грязовецъ). Со всякою верстою я считалъ приближеніе свое къ Вологдѣ, гдѣ ожидало новое, сладкое удовольствіе увидѣться съ Преосвященнымъ.

Иннокентіетѣ, котораго благосклонностію такъ давно имѣю счастье пользоваться.

Уже смерклось, а мы были еще далеко, и нетерпѣніе мое увеличивалось. Я обѣщаль хорошую водку ямщику. Наконецъ вѣхали мы въ городъ. Огни еще видны въ оконникахъ. Улицы показались мнѣ предлинными. Вѣхали мы — вѣхали, наконецъ поворотили — передъ глазами высокая каменная стѣна съ узенькими окошками, въ родѣ Перонны Лудовика XI; луна чуть озаряла ее томнымъ своимъ свѣтомъ. Поворотили еще, — и ямщикъ остановился «Пріѣхали,» сказалъ онъ. Я всталъ и началъ стучаться потихоньку, опасаясь разтревожить домъ. Никакого отвѣта. Началъ стучаться еще громче. Тоже молчаніе. Обошелъ кругомъ. Вездѣ заперто, ни одного окна наружу и ничего не слышно. Соборъ стоялъ одиноко, въ мрачномъ своемъ величіи. Походилъ-походилъ. Дѣлать нечего — началъ стучаться шибче, — и чрезъ полчаса послышалася тяжелая походка сторожа, гремѣвшаго ключами....

Послѣ нѣсколькихъ переспросовъ, онъ отворилъ мнѣ дверь, и передъ мною открылся пространный дворъ, поросшій травою, окруженный мрачными зданіями. Точно какъ будто разыгрывалась сцена изъ Кентень-Дюрварда. Сторожъ указалъ мнѣ вдали лѣстницу. Я прошелъ по двору одинъ, взобрался въ темнотѣ по лѣстницѣ, еще постучался.... вышелъ келейникъ. «Преосвященный почиваетъ?» «Нѣтъ еще.» — «Прошу васъ доложить — такой-то.» — «Ахъ, милости просимъ! Преосвященный давно васъ дожидается.» Онъ оставилъ меня въ огромной комнатѣ, въ которой со всѣхъ стѣнъ устремили на меня взоры Вологодскіе Архіереи.... но чрезъ минуту вышелъ Преосвященный Иннокентій, — и день мой кончился также сладко для меня, какъ и начался.

Преосвященный потребовалъ непременно, чтобъ я остановился у него въ домѣ.

(Продолженіе будетъ).

Погодинъ.

ИЗЪ НЕРЧИНСКА.

Отрывокъ изъ письма.

... Не болѣе двухъ дней ворѣтился я изъ продолжительнаго путешествія по Нерчинской округѣ, гдѣ въ продолженіе $1\frac{1}{2}$ мѣсяцовъ объѣхалъ 2500 верстъ.

Нашъ Округъ дѣлится на три управленія: Горнозаводское, Пограничное и Губернское. Я исчертилъ ихъ во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ. Началъ съ заводовъ и рудниковъ, осмотрѣлъ горное производство, познакомился съ механизмомъ наливныхъ фабрикъ и промысловъ, заглянулъ въ глубь горъ, спустившись въ шахты Акатуевского, Алгачинскаго и Воздвиженскаго рудниковъ, изъ коихъ въ послѣднемъ толща земли, находившаяся надомною, составляла 50 сажень перпендикуляра. Тутъ въ глубинѣ земли, далекой отъ дневнаго свѣта и освѣщаемой огнемъ факеловъ, видѣлъ я таинственную организацію нашей планеты: блестящія струи свинцовой руды, облитыя марганцемъ, тянулись въ разныхъ направленіяхъ безъ начала, безъ конца; сталактиты висѣли великолѣпными кистями; а стукъ орудій, гулъ воды, бѣгущей штольнею, скрипъ водоемныхъ машинъ напоминали мнѣ могущество человѣческаго разума и силу его воли.

Потомъ переѣхалъ я на границу, и тутъ новыя картины, новая жизнь, своя поэтическая сторона. Стени какъ море, озера какъ стени! Вотъ Аргунь старушка, вотъ баснословный Китай за нею, его горы, долины, лѣса! Вотъ блѣютъ войлочные юрты остроглазыхъ Монголовъ, пограничной Китайской стражи! Вотъ—чу! вѣтеръ вѣтеръ оттуда, и въ этомъ однообразномъ колыбаніи воздуха слынится гнилой запахъ, предсказывающій смерть поднебесной Имперіи. Но Исторія, развѣ нѣтъ здѣсь Исторія?... Я былъ на могилѣ Чингисъ-Хана, откуда взять камень съ Монгольской надписью и перевезешь въ Петербургъ. Тутъ на устьѣ пади Каркиры я поклонился праху грознаго Темучина. Далѣе: заглянулъ

Она пляшетъ, — не пляшетъ, порхаетъ ;
 Вьется въ воздухъ спанъ легче гениа сна.
 Вся она, вся она, какъ живая спруна,
 И дрожитъ и звучитъ — въ звукахъ шаепъ.
 За одинъ поцѣлуй знойный, оспрый ея
 Жизнь отдастъ я на вѣчную кару....
 Я не знаю Зенгару люблю-ль, нѣтъ ли я ,
 Я не знаю люблю-ль я Зенгару.

Бд.

Мюнхенъ.

XI.

В О Л Н А.

„Скажи мнѣ, мутная волна ,
 Куда несешься ты ?“
 — „И, жизни грѣшная волна ,
 Бѣгу отъ суеты
 Жинсейской, изъ далекихъ странъ ,
 Въ неизмѣримый океанъ :
 Тамъ опдохну на волѣ я ,
 Тамъ будетъ мнѣ покой ,
 Тамъ сброшу , смою я съ себя
 Позорный прахъ земной.“

Θ. Миллеръ.

ВОЛОГДА.

(Продолженіе Путевыхъ Записокъ, см. Москвитанинъ, 1841 г. No 10).

17. Профулся въ прекрасной огромной компань , только что ондѣланной и назначенной бышь кабинетомъ Преосвященнаго. Окно 12 на три стороны. Изъ однихъ виденъ Соборъ , изъ другихъ поле и часинъ города. Въ углу передо мною стоялъ большой образъ Троицы, древняго письма. Подхожу къ нему.. что же?.. Это поитъ историческій образъ, съ Зырянской подписью, о которомъ сколько было писано въ списань Еугенія о Древностяхъ Вологодскихъ и Зырянскихъ, въ Вѣстникъ Европы , 1815 или 14 года. Подпись соснавляетъ единственный починъ памятникъ Зырянскаго письма.

Какъ Археологъ , помоллся предъ нимъ съ большимъ усердіемъ.

Ударилъ въ колоколъ, и я посѣщилъ къ обѣднѣ въ Соборъ ; народу было множесиво — изъ всѣхъ званій : чиновники, дворяне, купцы, мѣщане, кресчьяне.

Предъ окончаніемъ обѣдни Преосвященный вышелъ изъ Царскихъ вратъ, и оспановясь на амвонѣ, началъ говорить: «Слышали-ль вы, брашіе, громъ? Видѣли-ль вы молнію?» Всѣ мы изумились, не понимая, что значить вопросъ. «Громъ прогремѣлъ въ этомъ храмѣ. Молнія блеснула здѣсь : это слова изъ прочитаннаго нынѣ Апостолоа. Аще кто не любитъ Господа нашего Иисуса Христа, да будетъ проклятъ. Не любитъ Христа поитъ , кто и проч.» Проговоривъ минушь десять онъ заключилъ : «брашіе , обратитѣ вниманіе на эти слова ; небо и земля прейдунтъ , а они не прейдунтъ.»

Послѣ обѣдни нѣсколько почепныхъ гражданъ собралось въ его кельи,—разговоръ коснулся поитъ до слышаннаго слова. «Съ дороги я не успѣлъ ничего сообразить для нынѣшняго дня,» сказалъ Преосвященный , и

принесъ — было вамъ печатную книгу — прочесть превосходное исполкованіе молитвы: Оиче нашъ, Московскаго Митрополипа Филарета, какъ вдругъ слова Павловы при слушаніи Апостола поразили меня, и я рѣшился вкратцѣ обратиться на нихъ ваше вниманіе.»

Разговоръ обратился на Апостола Павла, котораго жизнь нѣкогда писалъ Преосвященный: «онъ объяснилъ нѣсколько недоразумѣній, предложенныхъ гостями, напр. объ отношеніяхъ Павла къ Пепру. Потомъ много говорено о Соборѣ, основанномъ Іоанномъ Грознымъ, въ то время какъ онъ намѣревался перенести свое пребываніе въ Вологду, и жилъ здѣсь года при (1566—1568), выезжая изрѣдка въ любимый свой Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь. Мысль для его времени не безосновательная, замѣнилъ Преосвященный; Вологда, многолюдная и богатая, могла быть центромъ его владѣній, на торговомъ пути между Сѣверомъ и Сибирью.

Это правда, Новгородъ, Тверь, Устюгъ, Нижній, Москва — почти правильный кругъ около этого центра. Но широкость его очевидна въ этомъ намѣреніи: избирая Вологду, онъ показывалъ, какъ боялся Поляковъ и Татаръ, и какъ мало думалъ о возвращеніи природной нашей Малороссіи и Бѣлоруссіи. Ему спалоилось спрашно и въ Вологдѣ, и онъ велѣлъ готовить лодки и другія суда для отъезда въ Поморскія страны. Но тогда же случился въ Вологдѣ моръ, и Грозный поѣхалъ назадъ въ Москву.

Здѣсь есть любопытное преданіе: когда Соборъ былъ конченъ, и Іоаннъ пришелъ осматривать его, камень сверху упалъ ему почти на голову. Грозный воскликнулъ гнѣвомъ, побѣжалъ вонъ, и велѣлъ въ ту же минуту сломать Соборъ до основанія. На-силу уже духовенство и царедворцы могли умолить его объ опмѣнѣ повелѣнія. Однако Соборъ нѣсколько лѣтъ не былъ освященъ (*).

(*) Я получилъ послѣ и псью отъ Г. Саванцова съ явнымъ предвѣщаніемъ :

Предложены были разныя мнѣнія о происхожденіи имени Вологда — опъ волока, вологи, Волхова, Волоновъ, Володи. Далѣе говорили — о Губерніи, которую только-что осматрѣли Губернаторъ и Архіерей. Они обмѣнялись своими замѣчаніями, а слушатели узнали много любопытнаго о разныхъ ея частяхъ, и вмѣстѣ о спорахъ сосѣднихъ, о Сухонѣ, уставленной селеніями среди лѣсовъ, болотъ и пущиней; о Тотьмѣ съ

Что на славной рѣкѣ Вологдѣ,
 Во Пасонѣ было городѣ,
 Гдѣ доселѣ-было Грозный царь
 Основать хотѣлъ пресполюный градъ
 Для свово ли для Величества
 И для царскаго могущества;
 Укрѣпилъ спѣной градъ каменной
 Со высокими со башнями,
 Съ неприступными бойницами.
 Посреди онъ града церковь склать,
 Церковь лѣную соборную,
 Что во имя Божьей Матери
 Ея честнаго Успенія:
 Образецъ онъ взялъ съ Московскаго
 Со собору со Успенскаго.
 Спѣны храма поднимались,
 Христіане утѣшались.
 Ужъ какъ спали послѣ сводъ сводишь,
 Туда царь самъ не косилъ ходишь,
 Надзиралъ онъ надъ наемники,
 Что бы Божей крѣче клали храмъ,
 Не жалѣли-бъ плинѣы красныя
 И той известны горючія.
 Когда царь о томъ кручинился,
 Въ храмъ новоемъ похаживалъ,
 Какъ изъ своду шуповащаго
 Упадала плинѣа красная,
 Попадала ему въ голову,
 Во головушку во буйную,

защитнымъ монастыремъ въ честь знаменитаго опшельника Θεодосія, котораго особенно чтинитъ вся съверная сторона, (одинъ почтенный ревнитель благочестія вызывается принести значительныя жертвы для возстановленія монастыря); объ Успенгъ Великомъ, богатомъ и цвѣтущемъ, до основанія Архангельска, перепутье Сибирской торговли; о Сольвычегодскѣ съ ясными еще слѣдами богатства Спирогоновыхъ и ихъ величавыхъ записей въ архипикурихъ и живописи.

Досталось пѣчино и для объясненія Песшора: дорога отъ Новгорода къ Сѣверу и Сѣверо-Востоку усыпана горами или холмами, безплодными, болопшными, лѣсными, какъ вдругъ они склоняются къ низовьямъ Двины, и открываеися пространныя площадь, ровная, зеленая, плодоносная, покрывшая пучными накинными, — пакъ чино Новгородское преданіе о земномъ Раѣ въ этихъ странахъ могло имѣть основаніемъ рассказы первыхъ пу-

Въ мудру голову во царскую.
 Какъ нашъ Грозный царь прогнѣвался,
 Взовновалась во всѣхъ жилахъ кровь,
 Закинула молодецка грудь,
 Решиво сердце вздрплося;
 Выходилъ изъ храма новаго,
 Онъ садился на добра коня,
 Уѣзжалъ онъ въ камени Москву,
 Насонъ городъ проклиная
 И съ рѣкою славной Вологдой.
 Отъ него проклинься царскаго
 Мать сыра-земля тряхнулась,
 И въ Насонъ-градѣ горисшемъ
 Спали бланы бышь шонучія;
 Рѣка быспра, славна Вологда
 Спала бышь водой сполчею,
 Водой мушною вопочею,
 И покрывшая все шиною,
 Скверной зеленью со плеснешью. . .

тешественниковъ, пораженныхъ рѣзкою противоположною. Здѣсь же Пепръ Великій развелъ Голландскую породу рогатого скота.

Обѣдъ монашескаго пригосновленія, въ обществѣ монаховъ, имѣлъ также для меня, мірянина, характеръ новосини: сваренныя въ смятку яйца, овощи, рыба, печенье. Отсутствіе мяса было очень ощущительно.

Осмотрѣвъ Соборъ очень обширный, сходный съ нашими. Спѣвая живонисъ похожа на нашу въ Двинчьемъ монастырѣ. Теперь подновляютъ се, и очень искусно, оживляя нѣсколько цвѣтѣй, и но не вездѣ, проводя черны. Любопытно узнать, хорошо ли и долго ли сбережешся поправка. Въ такомъ случаѣ надо бы обнаруживать способъ. Вологодскій живописецъ, едой снарику, понравился мнѣ очень.

Надъ Архіереями 18 сполѣтія надписи очень кудреваны, наир., на гробъ Пимена, сконч. въ 1753 г.

„Преосвященный Пименъ здѣ лежишъ пѣломъ,
Въ мірѣ званъ Пепръ Савеловъ, знаменъ словомъ, дѣломъ,
Слово премудростию бысть въ немъ растворенно
Жипіежъ благими дѣлы испещренно;
Полковничій сынъ природы, чрезъ оружье вѣрно
Заслужилъ Канишанскій рангъ, а пошомъ чрезмѣрно
Разженъ къ Богу любовію, спалъ монахъ изрядный
Въ Флоринцевой пуснышѣ, вѣмъ былъ образъ взглядный;
Тажъ Архимандритъ Тольскій, тажъ Папскій почтесе,
Тажъ сѣмо на Епископовъ пресполь возведсе
Въ Пепровъ день. Паслъ церковь лѣтъ 13-нь безъ мала;
Вся жизнь его въ семдесяти и пяти лѣтѣхъ спала.
Почилъ въ тысяча семьсотѣ съ шреми въ пятидесятомъ
Годѣ, Маія во дни съ шесщью въ двадесагомъ.
Каковъ же Архіерей былъ, всякій дознаеиъ,
Чшо такой, каковъ были подобаетъ.
Погребенъ Геннадіемъ онъ Преосвященнымъ
Епископомъ Коспромскимъ съ соборомъ священнымъ,
Пянаго-надесять дня Іюня въ томъ же годѣ;
Жаль по себѣ немалу оставилъ въ пародѣ.

Спѣнная наша живопись сохранилась у насъ по мѣстамъ болѣе образной, и должно бѣ ее разсмотрѣвъ внимательнѣе, воспользоваться ею для пошй Русской живописи, которая составляетъ наши *pia desideria*. Она доставилъ много матеріаловъ и для Исторіи одежды древнихъ Князей, Бояръ, просполодиновъ, въ случаяхъ изъ ихъ жизни представленныхъ въ чудесахъ Угодниковъ, и пому подоб. Примѣчательные образа: Софіи Премудрости Божіей съ огненнымъ лицомъ Спасителя, Успенія Божіей Матери, Спасителя съ лицъ лежащими Угодниками.

Вечеромъ Преосвященный взялъ меня къ знаменитому старожилу и хлѣбосолу Вологодскому Д. И. Самарину, къ которому приглашенъ былъ почти весь городъ. Общество многочисленное, сдѣлавшее бы честь Сподлицѣ. Я порадовался успѣхамъ нашего обществія и образованности: едва ли часто и намъ разговоръ бывающъ занимательнѣе и умнѣе. Первымъ предметомъ были Европейскія новости: война Англичанъ съ Китаемъ, предославление Аравіи въ управленіе Мегемеша-Али, почему выгодно ему взялся за нее, отношеніе его къ Мугаммеданской Религіи, отношеніе Турокъ къ Европѣ, ихъ малочисленность, и принадлежность къ Азіи, система управленія Мегемеша - Али, рассказы разныхъ путешественниковъ, соперничество Англичанъ и Французовъ при Египтѣ и Малой Азіи, судьба Малой Азіи, первенство Европы надъ прочими частями Свѣта, причины ея, состояніе Христіанъ въ Турціи, и въ особенности Славянъ, (я замѣнилъ съ удовольствіемъ, что этотъ вопросъ начинаеть наконецъ мало по малу распространяться въ обществѣ). Подозрѣніе Евреевъ въ умерщвленіи младенцевъ, вновь возобновившееся недавно гдѣ - то въ Европѣ по одному случаю, подадо поводъ Преосвященному сообщити любопытныя историческія и археологическія свѣдѣнія, кои все общество выслушало съ живѣйшимъ любопытствомъ.

По не одиъ чужія дѣла были предметомъ разговора, какъ-шо случаетъ по большей части у насъ; нѣтъ,

скоро очередь дошла и до своих: много говорено было о корабельныхъ лѣсахъ въ сѣверной части Вологодской Губерніи, о проложеніи и исправленіи старыхъ дорогъ, о большомъ проэкктѣ купца Лыпкіна для Печерской справы (*), о червѣ, поѣдающемъ озимыя сѣмена, копорый и въ нынѣшнемъ году грозилъ Вологодской Губерніи. Я не принималъ почти никакого участія въ разговорѣ, желая больше слушать и знакомиться съ собесѣдниками и предметами ихъ бесѣды.

Угощеніе Русское, старинное, копорое начинаешъ уже пропадать даже въ Москвѣ, покрайней мѣрѣ въ такихъ проспѣхъ патриархальныхъ формахъ. Послѣ чаю столъ уставился сластями, кон заспавили вась позабыть, что вы въ Вологдѣ; здѣсь были и арбузы, и ананасы, и сливы, и яблоки. Лишь только варенья напоминали о томъ, и къ большей чести, славы города; варенье изъ поленики шаково, какому нѣтъ подобнаго нигдѣ: благовоиѣ преусладишельное, не говоря уже о пріятной кислости, при сладости. Спранно, что его не вывозятъ опсіода нигуда. Варенье изъ морошки также очень хорошо. За роскошнымъ ужиномъ подавались наливки, изъ эшихъ же ягодъ, копорыя восхипили бы знашковыхъ и охотниковъ.

Этотъ день доспавилъ мнѣ много удовольствія: я узналъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ Губерніи, услышалъ много любопытнаго, получилъ много доказательствъ, какъ Русь идетъ впередъ, на смонря на запрудненія, на препяшснвія, неизбежныя на пуши государствъ и народовъ.

18. Разсмапривалъ матеріалы, собранныя Преосвященнымъ Евгеніемъ, во время управленія его Вологодскою

(*) Мнѣ случилось ѣхать съ нимъ однажды изъ Петербурга въ Москву, и онъ сообщалъ мнѣ множество живыхъ прекрасныхъ извѣстій о нашемъ Сѣверѣ въ экономическомъ отношеніи. Онъ родомъ Зыранинъ, и говоришь на этотъ языкъ.

эпархією, для здѣшней Испоріи церковной и гражданской, спасиспикки его времени. Вопѣ былъ челоуѣкъ, копорый не могъ пробыть нигдѣ одного дня безъ того, чпобѣ не ознаменованъ его трудами на пользу Испоріи. Повгородѣ, Псковѣ, Вологду, Кіевѣ — онѣ награждалъ плодами своей неутомимой дѣятельности. Эпо былъ одинѣ изъ величайшихъ собиращелей, копорые когда-либо существовали. Съ собою не бралъ онѣ ни опкуда ничего. Гдѣ чпо собралъ, тамѣ-то и оспавилъ, приведя въ порядокъ, перемѣтивъ, означивъ опкуда чпо и какѣ взяно. Эпо былъ Русскій Миллерѣ. Замѣчу еще особенностѣ въ его умѣ и характерѣ: необыкновенная положительность, безъ примѣси малѣйшей идеальности. Эпо былъ какой-то Спашиспиккъ Испоріи. Онѣ кажется даже не жалѣлъ, если гдѣ чего ему недоспавало въ Испоріи; для него было эпо какѣ будто все равно. Чпо спѣ — хорошо, а чего пѣтъ, нечего о томѣ и думать. Никакихъ разсужденій, заключеній.

Въ Вологодской эпархіи считается больше семидесяти Угодинковъ Божіихъ, прославившихся своими подвигами и чудесами. Большая частѣ ихъ принадлежатѣ къ 15 и 16 вѣку, періоду основанія Русскаго государства въ наснорящемъ значеніи этого слова. Много моливъ и слезъ положили они въ эпо основаніе съ своей спороны. Добрая доля основанія! Преосвященный хочѣтъ посвятивъ всѣмъ Вологодскимъ Угодинкомъ церковь, копорую теперь опдѣлываетѣ при Архіерейскомъ домѣ, и сочинивъ имѣ службу. Прекрасная мысль!

Изъ Архіереевъ примѣчательны: Симонѣ, копорый, одинѣ съ Лазаремъ Черниговскимъ, не хотѣлъ присушснствовать на Соборѣ при осужденіи Патріарха Никона, Аонасій Кондонди, учредившій Семинарію, и наконецъ Еугеній.

Въ описаніяхъ Лесехина и Пноходцева, незабвенныхъ членовъ нашей Академіи, и припомъ Русскихъ, также есть много любопытнаго. Въ этомъ собраніи есть и анекдоты, напр. объ одномъ воеводѣ Гороховѣ, кошораго «дворяне выспали, сдѣлали приговорѣ о смѣнѣ, выбрали

другаго воеводу, и представили Сенапу о неспособности перваго и объ утвержденіи послѣдняго.“ И это было около 1770 года! Императрица Екатерина II повелѣла општрафовать своевольниковъ годовымъ ихъ жалованьемъ въ пользу наказаннаго воеводы, который былъ опспавленъ, но получилъ около 20,000 руб.

Въ грамотѣ Корнильеву монастырю сказано: давашь на рыбу изъ Вол. таможенныхъ доходовъ по 5 руб. на годъ безъ Московской волокиты.

Минпрополисъ Сильвеспръ оканчиваетъ извѣстіе Московскимъ боярамъ о разореніи Вологды Поляками въ 1613 г.: «а все господа дѣлалось хмѣлемъ; пропили городъ Вологду воеводы.»

Обошелъ Архіерейскій дворъ. Точъ въ почъ Перопна Валпера Скошпа, какъ она оспалась въ моемъ воображеніи послѣ чтенія Кепшенъ Дюрварда: спѣны высокія, мрачныя, съ рѣдкими узкими окоицами, почти скважинами, на значительной высотѣ опъ земли. Впрочемъ спроилъ ихъ, говорящъ, не Грозный. Часнъ городского вала оспалась только въ саду Архіерейскимъ.

Прошли по городу, — очень опряпная набережная. Вологда судоходна пошому только, что печетъ медленно, а иначе ее переходили-бъ куры: пише ѣдешъ, дальше будешъ. Много бульваровъ, но въ городскомъ саду столбы въ заборъ выше всѣхъ.

Сдѣлалъ визитъ Господину Губернатору, и провелъ часъ съ большимъ удовольствіемъ, получивъ опъ него, какъ Чиновника заслуженнаго и опыннаго, много любопыпныхъ свѣденій о гражданской службѣ, ся ходъ и случайностихъ.

Оспавивъ его, подумалъ: почему наши высшіе чиновники, между которыми бываентъ столько людей доспойныхъ, оспавляя какую нибудь должность, не оспавляютъ своихъ замѣчаній объ ней въ наслѣдство преемникамъ или вообще начальству, которое такимъ образомъ легко могло бы накопить, и даже въ скоромъ времени, полную практическую библіотеку, съ одной спо-

роны въ поученіе вновь определяемымъ, а съ другой для собственнаго употребленія.

Профессоръ, напримѣръ, я могу описать вполнѣ описаніе своей должности, что касается до ея споронъ отрицательной, всѣ входы и выходы, что опѣ нея претованъ должно и можно, какъ повѣрять, не допуская до злоупотребленія, и тому под.

Познакомился съ Профессоромъ Исторіи Савинповымъ, и получилъ опѣ него много извѣстій о манеріалахъ, имѣ собранныхъ. Еснѣ очень любопытныя, особенно опноснщіеся до жизни частной, о коей мы знаемъ такъ мало. Взялъ съ него слово приговорясь Вологодскій сборникъ: въ 1-й частн его можно буденъ помѣстнть всѣ его грамопы, во 2-й извѣстія историческія о городахъ, церквахъ и монастыряхъ, въ 3-й народныя пѣсни, обряды, повѣрья. Молодые люди такъ нануганы нашею легкомысленною и брачпвою крпнкою, что боялся явнться и съ дѣломъ предѣ публнкою, опкладываюнъ до пріеканія новыхъ манеріаловъ, гонлюнся за полнопою, совершенствомъ, и перяонгъ спарос. У Г. Савинпова сколько же собрано для Вологды, сколько у Г. Мѣльникова для Инжнлго, и было бѣ жаль, если бѣ они не исполнили своихъ обѣщаній.

Длинная бесѣда съ Преосвященнымъ, который разсказалъ мнѣ о своемъ путешествіи по Вологодской Епархіи, о многочисленныхъ памятниклахъ древней нашей иконописи, разсыпанныхъ не только по монастырямъ и соборамъ, но даже бѣднымъ приходскимъ церквамъ, и о богатствѣ въ спаронечатныхъ книгахъ, изъ коихъ онѣ намѣреваеися сдѣлать нѣсколько коллекцій для Духовныхъ Академій.

Въ самой Вологдѣ было ихъ богатое собраніе: какою-то Архіерей велѣлъ обобрапъ у церквей всѣ спарыя книги, и запечатапъ ихъ въ сундукъ. При предспавленіи одного священника къ награды, онѣ названъ былъ храннтелемъ спарыхъ книгъ. Выснее начальство спросило, что это за книги, и какъ не нужныя, приказало

представили въ Истербургъ. Библіотеки имѣють свои Испоріи.

Памѣревался прежде ѣхавъ въ Устюгъ, я хотѣлъ осмопрѣть мѣсто, на которое низпалъ каменный дождь, оспановленный Св. Прокопiемъ Юродивымъ, Устюжскимъ чудотворцемъ. По порученію Преосвященнаго, это мѣсто осмопрѣно: оно до сихъ поръ покрыто камнями, и я получилъ осколокъ для изслѣдованія въ Университетъ.

19. Разспрашивалъ Памѣшника Кáменскаго на Кубенскомъ озерѣ монастыря о пуги въ Бѣлозерскъ и Каргополь — сообщеніе Вологды съ Бѣлозерскомъ было нѣкогда частное и значительное.

Приходскій праздникъ у Власія, явленіе Донской Божіей Матери. Народу набралось онянъ полная церковь. Проповѣдь говорилъ приходскій преспаръльскій священникъ, краткую, по еспройную, о смиреніи. Было даже счастливое выраженіе о пуги, пройденномъ Пресвятою Дѣвою отъ яслей Вилесемскихъ до Голгофы и Гевсманіи.

Послѣ обѣдни былъ приглашенъ въ домъ къ священнику. Народу высыпало множество по обѣимъ сторонамъ улицы навспрѣчу Преосвященному. Скромное, но опрятное жилище. Послѣ чая потчасъ предложена закуска и обѣдъ. За столомъ сидѣло нѣсколько священниковъ и монаховъ. Обѣдъ былъ изобильный. Рыбъ не было счешу, какъ будто изъ благословенной мрежи: славная здѣшняя нельма, сиги, лещи, щуки, — горячія, холодныя, подъ спуднемъ, жареныя, съ огурцами просольными, потномъ свѣжимъ. За всякимъ блюдомъ подавалось вино, подъ нменемъ мадеры, малаги, рейнвейна, шампанскаго. (Вотъ для меня самое лучшее изображеніе нашихъ несчастныхъ подражаній — литературныхъ, помническихъ, житейскихъ). Я вспоминалъ о древнихъ Рускихъ здоровыхъ и сыпныхъ обѣдахъ, когда мы не были знакомы съ оправами Французской кухни. Хозяинъ былъ въ полномъ удовольствіи, и угощалъ отъ всего сердца, съ такимъ любезнымъ радушіемъ, и вмѣстѣ искусствомъ, и неисшощимыми вариантами, но безъ всякаго излишества и униже-

нія, что любо было смотрѣть на него и слушать. Боже мой, думалъ я, приходскій священникъ въ Вологдѣ — ну что можешь онъ получить въ годъ? Пяпъ-сопъ-шестьсопъ рублей. Ни одного каменнаго дома не видалъ я проѣхавъ у него въ приходѣ. И изъ этой тысячи онъ долженъ содержать свое семейство, часомъ многочисленное, и думать о своей предстоящей драхлоспи. Какая бережливость должна быть соблюдаема въ его обиходѣ, если бы даже и не чувствовалъ онъ нужды. Не всякую-ль копейку онъ долженъ раза два — три оборотить въ рукахъ, прежде нежели онъ заплатитъ его за кусокъ хлѣба или за аршинъ сукна? Но вопъ у него праздникъ, и вы его не узнаете, не различаете съ богатыми купцами: Русской духъ обнаруживается. Хлѣбосольство и гостепріимство являющія во всемъ блескѣ. О, съ какимъ почтеніемъ смотрѣлъ я на досшойнаго спарца, и прикусивалъ его мадеры и малаги, желая ему здравія, и благоденствія, и во всемъ благого поспѣшенія!

Разговоръ за столомъ обращенъ былъ на древности. Сначала на все слышались отвѣты отрицательные: «нѣтъ, ничего нѣтъ, не слыхалъ, не знаемъ,» но послѣ мало по малу, изъ того угла слышалось одно извѣстіе, изъ этого другое, и къ концу обѣда набралось у меня кое-что для записной книжки, напр.

Нынѣ, 19 Августа, день прибытія въ Вологодскіе предѣлы Св. Герасима, и слѣд. начало Вологды.

Не далеко отъ Вологды есть село Говорово, гдѣ проговорилъ будто бы Іоаннъ Васильевичъ Грозный, и другое, Свиштуново, гдѣ онъ свистнулъ.

Грозный имѣлъ здѣсь дворецъ съ церковью на столбахъ, коей пресполъ означенъ каменными столбами, видными и теперь, близъ теплаго Собора.

Вологду называютъ Іасономъ, потому что каменный городъ заложенъ здѣсь Грознымъ во имя Св. Апостоловъ Іасона и Сосипатра, коимъ посвященъ и приделъ въ одной приходской церкви.

Была записка о Вологдѣ какого-то Слободскаго.

Есть гдѣ-то подробныя записки о пребываніи Петра I въ Вологдѣ.

Одна церковь называется здѣсь Всеградскою, потому что выстроена опѣ всего града въ одинъ день по случаю моровой язвы (1655). У Г. Иноходцева, какъ я спросилъ послѣ, сказано: начали рубить пропивъ 18 числа въ 6 часу ночи, а клали съ свѣшчи зажигая скалы на болопахъ, и срубили за два часа до свѣшу, сошпили въ 2 часа, а свѣшпи спали въ 5, освятили же въ послѣднемъ часу дня, и съ того времени и моръ на Вологдѣ переспалъ.» Такая же церковь есть въ Устюгѣ, и еще гдѣ-то.

Вологда была прежде гораздо богаче, и пострадала столько опѣ Архангельска, сколько Архангельскъ опѣ Петербурга. Церковь Θεодора Сирапилаша построена Грознымъ по случаю полученія имъ здѣсь извѣстія о рожденіи Θεодора Ивановича.

Недавно найдено около Топьмы много монетъ, кои по описанію (шлемъ съ гребнемъ, крестикъ по срединѣ) кажется Норманскія, какихъ найдено лѣтъ пять назадъ множеству около Роснова; недавно я купилъ также ихъ нѣсколько опѣ Одоевскаго купца. Мѣста находокъ любопытнѣе самыхъ монетъ, показывая нутни нашихъ удалцовъ.

Родовъ древнихъ ведется очень мало: богатые во 2 или 3 колѣнъ бѣднѣютъ, и такъ далѣе. Къ числу древнихъ принадлежатъ Колесовы.

Многіе послѣ перемены торговаго нутни выселились въ другіе города.

Нѣкоторые священники занимаются здѣсь архипешурою, и строятъ церкви. Это не съ того ли времени, какъ Преосвященный Евгенийъ завелъ при Семинаріи классъ черченія и рисованія? Такъ благая мысль даетъ плоды въ свое время, а другое громкое учрежденіе завядаетъ до разцвѣта.

Бѣдилъ осматривать вмѣстѣ съ Преосвященнымъ Иннокентіемъ монастырь Спасо-Прилуцкій, верстахъ въ двухъ опѣ города, основанный Св. Димитріемъ, зна-

комцемъ Преподобнаго Сергія, крестившимъ многихъ дѣтей у Димитрія Донскаго. Поклонился его праху, и образу, который, вслѣдствіе особаго опкровенія, былъ посылаемъ опсюда къ Іоанну Васильевичу во время похода его подъ Казань въ 1503 году. Слѣд. древность около 350 лѣтъ этому образу извѣстна исторически, по, вѣроятно, онъ написанъ потчасъ по причисленіи Димитрія къ лику святыхъ, вскорѣ по его кончинѣ, въ началѣ 15 столѣтія. Другой образъ его столь же древній, швенный, виситъ въ олпарѣ.

Вопъ подъ спудомъ мощи Св. Игнапія, сказалъ проводникъ. Какого Игнапія? Эпо былъ сынъ, какъ доискался я послѣ, Кнзя Андрея Васильевича, который, вмѣстѣ съ братомъ Димитріемъ, сосланъ былъ Іоанномъ III въ Прилуцкій монастырь, здѣсь поспригся, и прославился чудотвореніями. Исторія слишкомъ рано потеряла его изъ виду.

Въ ризницѣ есть много древнихъ кресповъ, складней съ мощами, рѣзныхъ образовъ отличной работы, принадлежавшихъ, вѣроятно, племяннику Іоанну III, и полученныхъ въ наслѣдство послѣ Темнаго, Донскаго, Калины.

Принялся разсмапривать сундуки съ книгами. Послѣ нѣсколькихъ церковныхъ рукописей вытаскиваю одну, въ древнемъ переплетѣ... Харатейная.. развертываю... первое слово попадаетъ подъ глаза Мспиславъ, потомъ Изяславъ.. я пакъ и обмеръ онъ радости, колына у меня подогнулись.... Вѣрно какая нибудь лѣтопись: гдѣ же могутъ случиться такія имена? Но у меня не было силы перевернуть листы и посмоптрыть на ея начало.... съ пренещущимъ сердцемъ, дрожа какъ въ лихорадкѣ, подаль я рукопись Преосвященному, и едва могъ выговорить: Мспиславъ, Изяславъ. Онъ началъ перелистывать. Я опомнился, и послѣдовалъ глазами. Увы! эпо только жипіе Бориса и Глѣба среди поучительныхъ словъ и жипій. Впрочемъ рукопись древняя и примѣчательная. Жипіе не Песторова сочиненія, а другое, о которомъ я писалъ въ своемъ изслѣдованіи. Не могъ разбираться болѣе, и съ гора опправил-

ся въ слѣдъ за Преосвященнымъ къ Архіепископу Иринею, который здѣсь живетъ на-покоѣ. Онъ сообщилъ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о Молдавіи, Валахіи, Бессарабіи, гдѣ онъ служилъ долго, и разбиралъ права собственности по древнимъ грамотамъ. Преосвященный родился въ тѣхъ странахъ и тоскуетъ по своей отчизнѣ.

Осматривалъ кладовыя монастырскія съ сундуками древнихъ бумагъ, въ пыли, подъ хламомъ, съ запертыми оконцами, въ такомъ воздухѣ, гдѣ, кажется, задохнуться можно. Вѣрно здѣсь найдется еще много любопытнаго! Есть нѣсколько вещей, принадлежащихъ къ древнему оружію.

Думалъ дорогою о Всероссійскомъ музеѣ. Что если-бы собрали древнія вещи, одежды, оружія, рукописи, образа, изъ всей Россіи, (разумеется только изъ захолустьевъ, куда никто не ѣздитъ, и гдѣ онѣ лежатъ безъ употребленія), расположили ихъ въ хронологическомъ порядкѣ въ какомъ-нибудь зданіи Москвы, напр. Оружейной Палатѣ. Какое было бы величественное и поучительное собраніе! Мы увидѣли бы тогда осязающе, что отцы наши были не такъ просны и грубы, какъ мы, среди своего ученаго невѣжества, объ нихъ предполагаемъ. Сколько разсыпано всякихъ драгоценностей по лицу всей Россіи, гдѣ онѣ лежатъ безъ употребленія и пользы! Кому напримѣръ придетъ охота ѣхать въ Прилуки, (и даже въ Вологду), взглянуть на такую-то примѣчательную рукопись, или рѣзный крестъ, или пелену. Тогда только какъ всѣ подобныя вещи будутъ храниться вмѣстѣ, можно будетъ написать исторію художества въ Россіи, исторію частной жизни и проч.

20. Гимназія просила нынѣ Преосвященнаго о посѣщеніи, и онъ пригласилъ меня ѣхать съ собою, чему я былъ очень радъ.

Ученики были всѣ собраны въ залъ актовъ и стояли въ порядкѣ съ учителями въ полныхъ мундирахъ. Лишь только показался Преосвященный, встрѣченный на крыльцѣ Инспекторомъ, какъ раздалось привѣтствіе, прекрасно положенное на ноты:

Гряди, о Пастырь нашъ желанный,
Гряди, воззри, благослови!

Слезы были у многихъ на глазахъ, и я былъ очень пронутъ. Выслушавъ привѣтствіе, Преосвященный сказалъ воспитанникамъ: Благодаръ вамъ и миръ отъ Господа нашего Іисуса Христа.

Надо сказать, что Вологодскіе гимназисты знаютъ почти наизусть Седмицы, кои всякое воскресенье читались у нихъ въ собраніяхъ, и что вообще все начальство предано было особенно Пр. Иннокентію, когото имя безпреслано поминалось въ Гимназіи, какъ вдругъ получаемся извѣстіе, что онъ назначенъ Епископомъ въ Вологду. Радость была неописанная. Послѣ спиховъ Инспекторъ произнесъ Рѣчь, изъ коей я и привелъ вышеупомянутыя обстоятельства.

Это прекрасное торжество преданности благородной, происпекающей изъ такого чистаго источника, въ глуши, на сѣверѣ, вдали отъ всѣхъ людей, было для меня очень поразительно. Я радовался отъ сердца успѣхамъ общешію, силѣ добра и слова. Обошли всѣ классы и комнаты. Осмотрѣли все, даже до книги, въ коей записывается полученіе лекарствъ. Гимназія возведена почтеннымъ своимъ Директоромъ, Г. Баншинскимъ, при содѣйствіи Инспектора, Г. Фортунапова, (котораго отецъ, дядя и дѣдъ были здѣсь учителями), на отличную степень. Предложено было нѣсколько вопросовъ ученикамъ. Поговорено со всѣми учителями.

По осмотру у Г. Инспектора была, во исполненіе Русскаго обычая, закуска.

Послѣ обѣда осматривалъ Троицкую церковь, что у Кайсарова ручья, бывшую началомъ Вологды. Здѣсь-то поселился первоначально Св. Герасимъ, уроженецъ Кіевскій, основатель ея, пришедшій на Вологду, въ 1147 году. Въ житіи Преподобнаго сказано, что онъ имѣлъ споръ о землѣ съ здѣшнимъ жителемъ Пяпышевымъ, (слѣд. и до Св. Герасима было здѣсь поселеніе?). Замѣчательно, что родъ Пяпышевыхъ ведется до сихъ поръ, и живстъ на одномъ мѣстѣ въ приходѣ этой

церкви. Теперешнему предсавителю его, спаростъ церковному, уже 62 года, и онъ холостъ; ѡпъ брата его оспалась одна дочь, дѣвица уже слишкомъ 40 лѣтъ, съ коею и прекращается древній родъ. Слѣпшитель предсказывалъ имъ, что они будутъ ни богапы, ни бѣды; пакъ и жили они семь сонъ лѣтъ, замѣшнлъ мнѣ однитъ горожаншъ.

Церковь находишся теперѣ почини на выѣздѣ, имѣешъ приходу дворовъ пѣшпацашъ, по содержишся очень благоприлично. Предъ ракою на стѣнѣ написанъ Спаситель, предъ конми съ обѣихъ споронъ падаюшъ ницъ всѣ Вологодскіе Угодники; внизу имя Вологодскаго «изуграфа» и имя вкладчика, по вызову коего писанъ образъ.

Образовъ много древнихъ, по 300 по 400 лѣтъ. Самый иконоспастъ очень замѣчашелъ.

Видъ на городъ очень хорошъ. Къ споронъ Прилукъ видна куча деревьевъ, между копорыми кладушся расколышники.

Видѣлъ издали часовню, поставленную надъ прахомъ двухъ знаменитыхъ Бѣлоризцевъ, приѣзжавшихъ пензѣшсно ошкуда помогать жившелямъ. Здѣсь были убогіе дома для погребенія несчастно-умершихъ, копорые въ Семикъ засыпѣлись землею, и опшѣвались Архіереемъ.

При имени Священника Пенсина вспомнитъ обѣ Іосифъ Пенѣ Вологжаншъ, первомъ Русскомъ посланникѣ къ Англичанамъ; копорые выхваляюшъ его сполько. Пенѣ эшого ли Пенен происходѣшъ нынѣшніе Пенены?

Османшривалъ Духовъ монастырь. Здѣсь почиваюшъ подѣ спудомъ мощи Преп. Галактіона. Кто же былъ эшотъ Галактіонъ? Сынъ Кнѣзя Бѣльскаго, умерщвленнаго Іоанномъ Грознымъ. Родшвенники укрыли опрока, и переслали его опъ преслѣдованій Царскихъ въ Спарницу, а опшуда какъ-то попалъ онъ въ Вологду; здѣсь онъ кожевничалъ для своего пропитанія, женился, овдовѣлъ, и заключился въ кельѣ на рѣчкѣ Содимѣ, выпросивъ

себя угодокъ у жишелей. Липовцы въ набѣгъ 1613 г. его замучили. Жишели поставили надъ его могилою церковь, а впоследствіи успроенъ и монастырь. Монахъ указалъ мнѣ на тяжелыя вериги, кои надѣвалъ на себя онѣмелянкъ почью по окончаніи работъ дневныхъ.

Здѣсь же лежишь и Преподобный Іоасафъ, перенесенный сюда изъ Каменскаго монастыря на Кубенскомъ островѣ. Это былъ кто? Андрей Дмиіріевичъ (?), Князь Заозерскій, постригшійся въ 1453 г.

Есть нѣсколько древнихъ образовъ; особенно разные деревянныя и костяныя, кои нынѣшній Архимандритъ успроилъ прекрасно въ особой кѣпѣ, принадлежащей къ глубокой древности. Есть блюдо, данное однимъ изъ сыновей Іоанна III. Монастырь занимаетъ большое пространство, гдѣ бы можно кажется развесити огороды, но монаховъ только 6, копорые едва и службу могутъ отправити. На-зиму двое отпускаются обыкновенно для сбора подалій, ибо спросіе пребуешь безпрестанно поддержки.

Зашелъ къ оицу Архимандриту, Москвитинну, копорый нискуесть по оицнѣ. Чисныя и опрятныя кельи, порядочная мебель — и Русское гостепріимство: чай, варенья, яблоки. Онъ разсказывалъ о монастырѣ Кушенискомъ, гдѣ былъ Пасхотелемъ.

Ввечеру разспрашивалъ Преосвящ. Иннокентія объ его жизни, и сообщу здѣсь нѣкопорыя подробности чинашелямъ, зная, какъ имъ дорого узнать хоть что нибудь о нашемъ знаменитомъ Оранорѣ. Преосв. родился въ Ельцѣ, мірское имя имѣлъ Алексѣй Борисовъ, учился сперва въ Воронежской Семинаріи, а потомъ въ Кіевской Академіи, служилъ потомъ Инспекторомъ Пензенбургской Академіи, гдѣ принималъ участіе въ изданіи Христіанскаго чшенія, копорое вдругъ возмало и дошло до втораго изданія, наконецъ лѣтъ восемь былъ Рекшоромъ Кіевской Академіи, потомъ Викаріемъ Кіевского Митрополита и Епископомъ Чигиринскимъ.

Записалъ всѣ сочиненія , для которыхъ собраны у него матеріалы.

21. Разбиралъ библіотеку Снасо - Прилуцкаго монастыря , нашелъ цѣлую огромную книгу тяжёбныхъ дѣлъ монастыря съ разными часными лицами отъ начала 17 столѣтія до Петра Великаго. Больше тысячи лисновъ. Драгоценная находка! Древнее судопроизводство наше по всѣмъ инстанціямъ обнаруживается вполне , какъ оно было до преобразованій Петра Перваго.

Прекрасный древній списокъ Житія Θεодосіева и прочихъ Печерскихъ Угодниковъ , прекрасный сборникъ на пергаментѣ съ слѣдующими любопытными приписками , — сначала: за молитву Свяныхъ отецъ нашихъ , Господи Іисусе Христе , Сыне Божій , помилуй насъ. Аминь. Благослови отче начатое свершиши. Аминь. А ты браге писецъ ! не лѣнися , начатое свершивай , вславай рано на свое доброе дѣло. А Богъ тебѣ помогаетъ. Господи помилуй , Господи помилуй. Олноцінорисоун аринь ари. Это приписка красными чернилами расположена фигурой сосуда.

Послѣсловіе черными и красными чернилами : вѣсто семь тысячное и сошное списана бысть сія книга , именемъ нарицаемый приписецъ при Благовѣрномъ Князѣ Васильи Димпреевичѣ , и при всѣхъ правовѣрныхъ Князи , Юрьи , Петрѣ , Ки. Ондртѣ , Ки. Костянтинѣ Димпреевичѣхъ , во обителѣ града Вологды , в селѣ в Васильевѣ Ивановича Говорова въ Пешровскомѣ. А списана сія книга милостью Божіею и молитвою Пречистыа ея мапере , и досполющемъ Свяшаго отца Семеона Богоприемца , и Свяшяа Анны Пророчици , а нарядомъ Василья Ивановича , а благословеніемъ благочестиваго Ерѣя Пестера , а рукою многогрѣшнаго раба Божія Еусегніа , въ храмъ Свяшаго отца Семеона Богоприемца и Анны Пророчици , мѣсяца Декабря въ 20 день , на память Свяшаго Мученика Игнатія Богоносца. Аминь. аминь.

Передъ этимъ послѣсловіемъ на оборотѣ послѣдняго листа Тріоди находится слѣдующее письмо, писанное тѣмъ же почеркомъ, но гораздо небрежнѣе:

Пречестному и всечестному наипаче добродѣтелью оукрашенному оицю игумноу моему Архимандриту описью смиреню мѣнатье словеснымъ и духовнымъ по-
радованьемъ чѣтому образу твоея святости оиъ чада святыни смѣрнаго и грѣшнаго Фоки аще и во мнози оупыни и нерадѣніемъ и слабости духовныи, но и еще вѣременную сію жизнь Богоу благоволяющую проходя по немъ обрѣтохъ любви знаменье оиъ освященной твоей души еже къ нашей худости азиже иновими молитвами книгу сію оиъ сергѣа всячѣскы взялъ понежъ сергѣи хотѣлъ взяти а нашего носилья не хоцѣнъ вскорѣ опидати. А понеже не исправихомъ книгу сію молюши прѣзри понеже не перодѣніемъ сіе бы по временнымъ недоспѣнѣствомъ. Прочеже молю твою всекрасную святость да велиши исправити ю да аще ключишѣ пѣ-
кому в нашу спрану оиъ вась бываши да поплещи къ намъ споловину руги а шно оу насъ посѣбѣтъ а шно мы отслѣмъ понежъ уже семь почалъ писати а твоими святыми молитвами да сподобитъ насъ Богъ и свершѣннѣи начатое понеже оишележе сподоби мя Богъ познаши твою святыню любовную память неоскудну имамъ къ святыниши аще и оишюдъ недоспѣтченъ есмь всеблагый же Богъ въ благыхъ да сотворитъ тоя мо-
литвы дѣйсвенны яже о насъ аминь.

Въ концѣ шепради написано: помози ми Богъ, шно еси написалъ, да сице радъ заяцъ шпеню избѣгъ, шакъ радъ пишѣцъ сію ки... кончавши.

Житіе чуть ли несовременное на хлопчатой бумагѣ Стефана Пермскаго, Кирилла Философа съ замѣчательными варіантами, Тріодъ, Сборникъ на пергаментѣ изъ сочиненій Святыхъ ошцевъ, покрайней мѣрѣ изъ начала 14 шолѣтія.

Зашелъ ко мнѣ Г. Саванповъ, и я показалъ ему харащейныя рукописи. »Да у насъ естъ еще древнѣе,«

опивъчаешъ онъ. Гдѣ? «Въ Семинаріи.» Чѣмъ за богаписице было у насъ въ рукописяхъ!

Забрался въ одно изъ пустыхъ отдѣленій Архіерейскаго дома, съ позволенія Преосвященнаго, который усматривалъ о какихъ-то бумагахъ, тамъ валяющихся. Эта кладовая сестъ пѣчню оплечное въ своемъ родѣ, заслуживающее особаго описанія, чѣмъ подати пониманіе о нѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ надо искать рукописей.

Представьте себѣ огромной домъ, въ при большихъ этажа, изъ котораго выломаны все полы и пополки, и осталась одна желѣзная черная крыша. Какое-то ужасающее проспанство! Вверху только едва доспаение въ глазомъ нѣсколько спрости, а по стѣнамъ видны выдолбленные гнѣзда для переводовъ. Въ первой половинѣ этого проспанства сполны лари съ мукой, крупой, овсомъ. На полу на длинныхъ рогожахъ навалены луки.

Въ этой половинѣ нѣтъ ничего спрашнаго, но вдали вы видны темныя горы, на горахъ нагроможденные, съ какими-то пуспощами между собою, и усовами, которые выдаются изъ ихъ наружной поверхности. Возмозванное деревянное море! Гдѣ же хранятся вещи? «А вонъ здѣсь, пойдемте дальше» сказалъ старый монахъ. Приближаясь со спрахомъ и пренепомъ, и чуть чуть примѣчаю, что все это безобразная куча накрыва вверху, на самомъ верху, черными дощаными плоскостями. «Надо подниматься на верхъ,» сказалъ монахъ. Меня шакъ и обдало спрахомъ. Гдѣ же лѣсница? «Здѣсь.» Мы пробрались кое-какъ въ промежуткахъ моря, напыкались безпрестанно головою, плечами, спиною, на клыки деревянныхъ чудовищъ, зявшихъ изъ своихъ ущелій. Лѣсница спущеней въ придачу вела на морскую поверхность. Но какая лѣсница? Въ которой ни одной ступеньки не было на мѣстѣ, лѣсница, которой вѣрно приена лѣтъ. Надо было держаться безпрестанно за ея стѣнки, и искать хопъ шакныхъ мѣстъ, откуда унасть былобъ легче. На Везувій, Монбланъ и Диліенштейнъ поднимался... и спокойнѣе. Р-

рыми иконами, на коихъ остались едва примѣтные слѣды древнихъ изображеній.

Между шѣмъ я все еще не видалъ никакой кладовой. »Куда же еще идти?» спросилъ я даже съ досадою монаха. »Въ шопъ уголъ.« Но шопкимъ песницамъ, сквозь кошорыя видна было морская бездна, и кошорыя тряслись подъ нашими ногами, едва доставая каженся своими концами до перекладныхъ, мы пошли къ углу опгороженному, или лучше сказать неопгороженному, а заслоненному такими же черными плоскостями. Монахъ принялся оподвигать и опворачивать одну изъ нихъ. — Ей Богу было спрашно! Наконецъ онъ оподвинулъ, и я могъ просунуть голову въ сдѣланное опверспіе. — Чшо же я увиждѣть шамъ? Сопши фигуръ изваяшыхъ изъ дерева, конхъ впрочемъ въ полумракѣ я не могъ разглядѣть порядочно: мнѣ объяснили, чшо эшо деревяшныя изображенія Спасителя, опобранныя въ разныя времена у раскольниковъ. — »Покойный Преосвященный приказалъ мнѣ спряшать ихъ подальше.« — Ну уже подлинно они спряшаны далеко: безъ замковъ и дверей..... »Какъ вы вспащили ихъ сюда?» — »Вспащили кое-какъ.« — »Какъ вы приходите сюда?» Ходимъ какъ шибудь.« — »Да вѣдь эшо очень опасно?» »Опасно.« »А можно устроить все эшо полегче?» »Можно.« »Да для чего же вы не устроите?» »Да такъ! вѣдь сюда несчастно ходишь!« Каковъ народецъ русскій! —

Подъ деревяшными фигурами валялись лоскушки. Я началъ ихъ шарить. Вынулъ листъ: харашейный изъ шріоди; вынулъ другой: послѣсловіе къ книгѣ, печатанной при Михаилѣ Θεодоровичѣ. Но пылъ поднималась столбомъ. Я не могъ осматриваться дольше, и просилъ о приказѣ служилеямъ выбрать все бумажное. Мнѣ принесли два короба. Оказалось листовъ шестидесятъ харашейной шріоди, осьмушки четыре харашейныя, кошорыми переплестенъ былъ молитвенникъ, и еще пол-листа харашейнаго, служиваго также обвершкой негодной книжонкѣ.

Вонгъ нѣтъ гдѣ надо исканіе рукописей : большія дороги, ошкряпаныя ризницы, обысканы, и памѣтъ нѣтъ уже ничего, но во всякомъ монастырѣ есть шакъ называемая кладовая или амбаръ, куда сваливаются снаряды вещи. Тамъ еще можно найти многія древности, но шуда мудрено имѣть доступъ: всякій смонриншелъ скажетъ вамъ наотрѣзъ, что у нихъ никакой кладовой не имѣется, разсуждая про себя шакъ: 1) если памѣтъ найденся что нибудь, то я буду обвиненъ за нерадѣіе, и долженъ буду беречь послѣ найденное; 2) въ амбарахъ бываетъ всегда безпорядокъ, копорый показыванъ совѣстно и спѣшно; 3) если же памѣтъ ничего нѣтъ, то не стоить труда шуда и ходить. Г. С. разсказывалъ объ одномъ изъ здѣшнихъ смонриншелей, что онъ при мѣсяца не хотѣлъ ему отворить архивной двери, близкой къ собшенвенной его двери: подождите, не время, замира, и шому под.

Былъ въ Семинаріи. Обвѣщававшее зданіе, въ родѣ палаты Грасвицкаго аббатства : я взглянулъ мимоходомъ на лавки, на коихъ ученики вырѣзали церкви, херувимовъ, спихи и проч. Провожанный Профессоръ замѣнилъ : «эшо ребянишки воплощаютъ свои идеи.» Въ Библиотекѣ есть пять-шесть харашейныхъ кодексовъ 14-го и можеть быть 13-го вѣка. Почеркъ близокъ съ Прилудскими, и монми Новгородскими. Чуть нельзя ли опредѣлить теперь характеръ общій Новгородскаго или лучше сѣвернаго письма.

Къ Семинаріи принадлежнть церковь бывшаго Кирилловскаго подворья — древній рѣзной иконостасъ таковъ, что нашъ Солнцевъ упалъ бы предъ нимъ на колѣни. Ему непременно надо прѣхать сюда. Множеснво древнихъ образовъ, и еснть съ годами. Собрашъ и снсанъ бы ихъ всѣ : по нимъ можно судить приблизительно и о древности ихъ, копорыхъ годъ не означенъ, какъ шодѣлался съ рукописями.

Въ ризницѣ хранится серебряный крестъ съ надписью лѣта зраі (1603) ... Здѣланъ быснъ сн крестъ на Москвѣ въ монастырѣ Успенья Пречисныя Богомолнн. Шен

ища нашего Кирила Бѣлоозерскаго Чудотворца при благовѣрномъ... Царѣ... Борисѣ Осодоровичѣ..... при Игуменѣ Іоасафѣ браниію.

Распятіе на крестѣ вычеканено такое, копорому съ означенія я не дамъ бы больше 150 лѣтъ, также изображенія Мареы и Маріи. Въ моемъ собраніи онѣ несравненно грубѣе, и слѣд. гораздо спарше.

Недалеко отсюда есмь и Зосимовское подворье — гдѣ древняго сообщенія между Новымъ-городомъ, Бѣлоозерскомъ, Вологдою, Архангельскомъ.

Между Семинаріей и училищемъ каменный домъ заштѣ ярмаркою, копорая бываесть зимою въ Январѣ мѣщѣ. Купцы располагаются съ своими товарами въ мнѣнахъ, и торгуютъ ими недѣли двѣ. Это непременно осшанокъ древняго, какого нибудь Ганзейскаго вѣчая.

Здѣсь была и Нѣмецкая кирка; показываютъ мѣстно; жило много Нѣмецкихъ купцовъ въ особой слободѣ.

Надо бы собрать всѣ такая черпты — но не въ оластической формѣ, а поживѣе, позанимательнѣе. Общомъ городѣ найденся чшо сказать, но у насъ обыкновенно любопытное погрязаетъ въ пучинѣ скучныхъ и ловажныхъ подробностей, и потому не доходитъ до чего свѣдѣнія.

Есть здѣсь цѣлая слобода Фрязина, и приходъ воля Андрея... наминающія того Андрея Фрязина, копорому далъ зѣмли Димитрій Донской, и копорый былъ нѣ ли не первымъ выходцемъ Нѣмецкимъ, поселившимся Святой Руси, а за нимъ съ легкой руки, или лучше и послѣдоваль легіонъ и легіоны легіоновъ.

Былъ у Г. Саваннова — онъ живестъ вмѣстѣ съ демъ своимъ, священникомъ, и занимается одну маленькую комнатку, онѣ копорой еще опидѣлены при кль-

сяпъ и людей на меня научалъ всякими палогамъ для
 ово своево писма; и ничѣмъ меня изогнати не могъ.
 нынѣшного же году звелъ на меня ... и подамъ извѣстѣ
 му же спароситъ поповскому; а жонкѣ той и мужу
 сумилъ лишъ рублевъ, чпобы говорила на меня, хо-
 тѣла спарова пона онѣ церкви опжануни, спарни-
 мъ монмъ извѣку мѣспомъ завладити, продавъ из-
 пнча, а своево сына въ поны пославити. И я бого-
 юецъ Твой по ево ложному извѣсту служилъ бес-
 оего Священительскаго указу съ нынѣшняго числа не
 юю. Государь Преосвященны Маркелъ Архіепискупъ
 югоцки и Бѣлозерски, пожалуй меня богомольца сво-
 , вели мое извѣстное челобитиѣ записать, чпобы
 въ сво плушны и налоги вконецъ не погнушъ и сво-
 мѣспа не отбыти. Государь, смилуйся пожалуй.

(На оборотѣ написано: ксему извѣсту преображен-
 нъ понѣ Цесарь подамъ и руку приложилъ *Нѣже* :
 дана извѣстная во 168-мъ году Августа въ 5 день.

Списокъ съ рукописи Ивана Харитонова слово въ
 ю :

.....

1. Приспани Господи къ доброму сему дѣлу, святыи
 иръ и Павелъ, Михайло Архангелъ, Ангелы Христо-
 , рабу Божию, имярекъ; зѣбасалися сцѣпалися двѣ
 опы въмѣсто, срослася плѣмо съ плѣмомъ,
 плъ съ косыю, жила з жилою; запечаналъ Самъ
 ксиюсъ во всякомъ человекѣ печать; занеки шу ра-
 у раба Божія, имярекъ, въ три дни и въ три часы,
 боли ни сверби, безъ крови безъ раны, во вѣки
 нѣ.

2. Вспану язъ рабъ Божій, имярекъ, благословясь и
 у перекрестясь въ чистое поле, умоюсь ушреннею

росою и зорею свѣтлою , ушруся краснымъ солнцемъ ,
поднолшуся свѣтлымъ мѣсяцемъ , опычуся мѣлкими час-
пыми звѣздами , покроюся мѣднымъ небомъ , помолюся
чешыредеслянимъ мученикомъ , Михаилу Архангелу , Гав-
рилу Архангелу ; дай мнѣ , Господи , изъ чиспово поля
люптово звѣря ; поди люптой звѣрь къ рабу Божию , имя-
рекъ , въ водѣ подъ каменемъ выми сердце з горячесю
печенью , принеси мнѣ рабу Божию , имярекъ ; какъ не
мочно рабу Божию , имярекъ , подъ каменемъ воздыхаши ,
пакъ не мочно на меня раба Божія , имярекъ , сера
песни и зла подумаши и поминши во вѣки аминь .

Пись о какомъ-то Князь Михаилъ :

Отъ (1) поѣхаѹ Кнезь (2) Михайло
Що на Чярскую-пу (3) службу ,
На грознѹю Осудареву ;
Оспавляиъ (4) онъ свою молоду Кнегиню ,
Що Кнегиню Камериню ,
И наказашъ своей мапушкѣ родною (5) :
»Ажъ ны , мапушка родная ,

1) *Отъ* или *ото* вм. *вотъ*

(2) *Кнезь* вм. *Князь*, по обыкновенному употребленію *с* вмѣсто *я*.

(3) *Чярскую-пу* вм. *Царскую-по*. Москвит. ч. III. стр. 186.

(4) *Оспавляиъ* вм. *оспавляеспъ*, также какъ : *наказываиъ*, *дѣлаиъ*, *бываиъ* вм. *наказываеспъ*, *дѣлаеспъ*, *бываеспъ*. Такъ обыкновенно говорятъ и въ самой Вологдѣ; по этому выговору всегда можно узнать Вологжанина; какъ по выговору : *наказывааиъ*, *дѣлааиъ*, *бывааиъ* можно узнавать Костромичей; по выговору : *наказываѣиъ*, *дѣлаѣиъ*, *бываѣиъ* — Владимірцовъ; по выговору : *бываиъ*, *дѣлаиъ* — Калужанъ, и пакъ далѣе. — Кстапи замѣтити здѣсь сокращенія въ иѣкопорохъ, глаголахъ, подобныя слѣдующимъ *вишь*, *хоишь*, *слыишь*, *знаишь* п. п., вм. *видишь*, *хочешъ*, *знаешъ* и п. и.

(5) *Родною* вм. *родной*. Для полноты стиха обыкновенно послѣдній слогъ растягивается, или прибавляется къ нему какал инбудъ гласная, чаще же и или *с*. Напр. по лугамъ зеленымъ, по травамъ шелковымъ и т. п.

»Еще пой, корми Кнегину
 »Всё крутицяпми колацями.«
 Ево мапушка родная,
 Опося ёво не вдоугъ (6),
 Бѣлу мыленку (7) шопила;
 Стѣръ-горюць камень нажигала
 И Кнегину посылала
 Що во бѣлую-шу мыльню;
 Тунъ Кнегину изводила (8);
 Роспорола бѣлы груди,
 Досмоприла во упробѣ,
 Во упробѣ-то младенецъ.
 Ахпи смѣрпно перепалась.
 Скѣрыхъ пѣсловъ посылала
 И по ненекъ и по манекъ (9)
 И по вѣрныхъ служанокъ.
 Ажъ вы неньки, ажъ вы маньки
 И всѣ вѣрныѣ служанки!
 Вы берипѣ, неньки-маньки,
 Всѣ при бѣлыѣ-шо мыла
 И цѣпверто умыванье.
 Вы умойте-шко (10) Кнегину,
 Що Кнегину Катерину,
 Во при бѣлыѣ-шо мыла
 И въ цѣпверто умыванье.
 Опо мыли шу Кнегину,
 Що Кнегину Катерину,
 Во при бѣлыѣ-шо мыла
 И въ цѣпверто умыванье.
 Опо клали шу Кнегину
 Въ бѣлодубову гробницю.
 Покрывали шу Кнегину

(6) *Опося ёво не вдоугъ.* *Опося* или *опдся* вм. *послѣ*. *Вдоугъ* — *вдолгъ*, спусти много времени.

(7) *Мыленка, мыльня* — баня. И *паруша* — баня. Различіе между ними очевидно: въ одной больше моются, въ другой — парятся вѣшниками.

(8) *Известй* или *избытъ* — уморить.

(9) *Неньки* и *маньки* — няньки и мамки. Оба слова всегда почти употребляются вѣдѣсть.

(10) *Тко* — *прибабленіе*, часто встрѣчающееся въ здѣшнихъ разговорахъ: *сходитс-тко, послушайте-тко, тамо-тко* и проч. и проч.

Бѣлохрустяпой камоцькой.
 Повезлижо шу Кнегину
 Ко соборною ко церквѣ,
 Що ко матери — Софѣи.
 Ошнѣвали шу Кнегину
 И съ попами и съ дьяками
 И со вѣрными слугами.
 Опо клали шу Кнегину,
 Що Кнегину Кашерину,
 Въ сыру — машѣрую землю.
 Какъ прѣхаѹ Кнезь Михайло
 На Кнегинину могилу,
 Ево доброй конь пошкнуѹсе,
 Съ главы шапоцька свалиласѣ,
 Онѣ и шушо догадаѹсе (11):
 »Ахши, домо не здорово —
 »Либо машушка помѣрше,
 »Либо молода Кнегина,
 »Що Кнегина Кашерина.«
 Опѣ прѣхаѹ Кнезь Михайло
 Що ко машушкѣ на уѹку (12).
 Ево машушка сприцѣешѣ;
 Онѣ у машушки спрошаешѣ:
 »Що шы, машушка, сприцѣешѣ?
 »Ужшо гдѣ моя Кнегина,
 »Що Кнегина Кашерина?
 Ево машушка родная
 За бѣлы руки примаешѣ
 И отвѣтѣ ему содержишѣ:
 — Що ушла швоя Кнегина
 И ко ненькамъ и ко манькамъ
 Побѣлишѣця — руменишѣця.
 Опѣ поѣхаѹ Кнезь Михайло
 И ко ненькамъ и ко манькамъ.
 »Ажѣ вы неньки, ажѣ вы маньки
 »И всѣ вѣрныѣ служанки!
 »Вы скажите суцу правду,

(11) *Вздогодиѹсе* значитѣ и догадался и подумалъ про себя.

(12) *Уѹки* — улка, улица.

»Вы скажите не унайите :
 »Ужню гдѣ моя Кнегина ,
 »Що Кнегина Кашерина ?«
 — Ты — Великой Кнезь Михайло !

Твоя мапушка родная
 Опосля тебя не вдоугъ
 Бѣду мыленку шопила ;
 Сѣръ- горюць камень нажигала
 И Кнегину посылала
 Що во бѣдую-шу мыленью ;
 Тупъ Кнегину изводила ;
 Роспорола бѣлы груди ,
 Досмоприла во ушробѣ ,
 Во ушробѣ-шо младенецъ.
 Ахни смѣршно перепалась.
 Скѣрыхъ пѣсловъ посылала
 И по ненекъ и по манекъ
 И по вѣрныхъ служанокъ.
 Опъ обмыли мы Кнегину ,
 Що Кнегину Кашерину ,
 Во шри бѣлые-шо мыла
 И въ цепвершо умыванье.
 Положили шу Кнегину
 Въ бѣлодубову гробницю
 И покрыли шу Кнегину
 Бѣлохрустяпой камоцькой.
 Увезлижо шу Кнегину
 Ко соборною ко церквѣ ,
 Що ко мащери — Софѣи.
 И опѣли шу Кнегину
 Всѣ съ попами , всѣ съ дѣлками ,
 Всѣ со вѣрными слугами.
 Положили шу Кнегину ,
 Що Кнегину Кашерину ,
 Въ сыру - мащѣрую землю.
 Какъ потѣху Князь Михайло
 И опъ ненекъ и опъ манекъ
 И опъ вѣрныхъ служанокъ
 На Кнегинину могилу.
 У Кнегининой могилы

Со добра коня зваліўсе,
 О горюць камень зашибсе,
 Ево машушка — Кнегина
 Возлѣ рипюшки ходила,
 Зыцьнымъ (13) голосомъ крычала:
 — Ахъни тяжко согрѣшила —
 Три души я погубила:
 И що первую шу душу —
 Эво (14), Кнезя Михаила;
 А другую шу вѣдь душу —
 Ево молоду Кнегину;
 А шрешьюю шу вѣдь душу —
 Во ушробѣ то младѣна (15).
 А со той тоски — кручины
 И сама въ рицьку бросалась!

Поговорили о Семинаріи, Гимназіи, о согласной жизни Профессоровъ, которой надо желать всѣмъ ученымъ обществу для блага ихъ заведеній и собственнаго ихъ удовольствія, о городскомъ обществѣ.

Увидѣлъ микроскопическіе замочки съ ключами Сольвычегодскаго мастера Юницына, который продавалъ ихъ сперва по гривеннику, потомъ по рублю, и наконецъ по пяти руб. — Есть цѣпочка изъ нихъ, гдѣ у каждаго замочка свой ключикъ, неподходящій къ другимъ. У мастера блоха привязана на цѣпь за ногу, однакожь немыкающую ей прыгать. Какова же должна быть тонкость желѣзнаго волоска, и способности Русскаго челоуѣка, который всѣ эти чудеса производить помощью одного напилька! Повѣрить трудно!

Прошлись по городу и онъ дополнилъ мои извѣстія, напр. о рѣчкѣ Золотухѣ, которая вспала въ золотую копеечку, онъ чего и получила это названіе, при Ивѣ Васильевичѣ, о Ташарской слободѣ, гдѣ жили Ташары, конанціе ее.

(3) Зыцьнымъ или зычнымъ — громкимъ.

(4) Эво и эвока означаютъ указаніе.

5) Младѣна — младенца.

И здѣсь естъ преданіе о подземномъ ходѣ подъ рѣкою Вологдою. Одни говорятъ, что онъ велъ даже до Прилуцкаго монастыря, а другіе — до церкви Владимірскаго Божія Манери. Слѣдовательно шунисли были въ Россіи искони; но теперь засорены древніе выходы..

Приходилъ ко мнѣ Г. Фортунашовъ, и на просьбу мою о собраніи разныхъ мѣстныхъ свѣдѣній, описывалъ, что онъ уже собираются по собственному распоряженію Господина Директора, разославшаго онъ Совѣта Гимназіи циркуляры (*) къ Учителямъ и Смолришелямъ. Самые ученики доставляютъ уже свѣдѣнія, въ образчикъ коихъ я получилъ описаніе города Никольска.

Въ Вологдѣ живемъ нашъ незабвенный Батюшковъ, и я почелъ священною обязанностию посѣтить его, но не могъ увидѣть, поному что нынѣ, говорятъ, онъ чувствовалъ себя не хорошо.

Вечеру возвратился домой. Собралась ужасная гроза. Загремѣлъ громъ, а молнія шакъ и горѣла на небѣ. Разговоръ начался съ Преосвященнымъ о силахъ природы, о борьбѣ стихій, о борьбѣ началъ, объ уподобленіи сапаны молній, (и увидѣвъ сапану яко молнію съ небесе спадшу), о духахъ, о безсмертіи, о личности, о ризахъ кожаныхъ, о преображеніи, о просвѣщеніи . . .

22. Перечислялъ извѣстія о Вологдѣ; затрудненіе сосланилъ въ томъ, что по грамамъ Вологда считалась между владѣніями Новгородскими, а по лѣтописямъ значилась въ то же время какъ удѣлъ Росновскій. Мнѣ кажется, что Вологдой назывался не только городъ, но и область; часть области могла принадлежать Роснову, а другая, бѣльшая, въ то же время Новгороду. Такъ точно выходило и по церковнымъ извѣстіямъ: часть нынѣшней Вологодской Губерніи, (которую надо изслѣдовать по грамамъ), принадлежала къ Епархіи Новгородской, а другая къ Росновской. Не одинъ ли и тѣ же предѣлы имѣли онъ, и. е. церковное

(*) Польстятъ со-временемъ.

раздѣленіе не было-ли вмѣстѣ политическимъ? — Можно найти и доказательства: о Воеводахъ Василья Дми-
тріевича сказано, что они опустошили всю Вологду, и
Холмогоры взяли. Въ Повгор. грамотахъ Вологда спо-
минуется между областями: Тре, Пермь, Печера, *Вологда*.

Описаніе Иноходцева очень дѣльно, полно и хорошо.
Мы забываемъ пруды нашихъ Академиковъ.

Разбиралъ Библіотеку Спасо-Прилудскаго монастыря.
Жизніе Саввы Сербскаго, въ харайшейномъ Сборникѣ,
покрайней мѣрѣ 14-го вѣка, должно быть очень инте-
ресно для Шафарика.

Былъ у меня попомокъ, и послѣдній предсави-
тель рода Пятышевыхъ,

Остатокъ горестный Пріамова семейства.

Это уже дряхлый старикъ, которому идетъ на
седьмой десятокъ! Грустно смотрѣть на него, окан-
чивающаго собою семисоплѣнный родъ! Ему тяжело го-
ворить по причинѣ одышки. »Нѣтъ ли какихъ преданій
въ вашемъ родѣ?« Нѣтъ никакихъ. »Покрайней мѣрѣ ве-
дется память, что вашъ родъ происходилъ отъ того
Пятышева, который спорилъ съ Св. Герасимомъ?« А
Богъ знаетъ. Это было уже очень давно!

Встрѣтился съ Игуменомъ, жившимъ при извѣст-
номъ Архимандритѣ Фошѣ, до самой его кончины, и я
услышалъ много любопытныхъ подробностей объ этомъ
замѣчательномъ чловѣкѣ нашего времени.

25. Разсматривалъ рукописи Спасо-Прилудскаго мо-
настыря, Семинарскую Библіотеку.

Опирившись къ Бапиошкову, по вызову Священни-
ка, въ чьемъ домѣ онъ живетъ. Прекрасныя комнаты,
и мнѣ опять угощеніе, хотя я зашелъ только мимо-
ходомъ, такъ что я начинаю походить на Архіерей-
скихъ служекъ, которые въ Духовномъ Регламентѣ на-
званы лакомыми... Конспантъиъ Николаевичъ провелъ ночь
не хорошо. Священникъ, и Г-нъ П. совѣщали мнѣ
встрѣтиться съ нимъ на прогулкѣ, въ саду надъ рѣкою,

куда онъ сей-часъ долженъ идти. Получивъ свидѣнія отъ нихъ объ его сословіи, и нѣсколько рисунковъ его работы, я отправился въ садъ. Чрезъ часъ я вижу и Батюшкова. Онъ совершенно здоровъ физически, но посядѣлъ, ходитъ быстро, и безпрестанно дѣлаетъ жесты твердые и рѣшительные; вспрѣялся съ нимъ два раза, а болѣе боялся, чѣмъ не возбудишь въ немъ подозрѣнія.

Получилъ приглашеніе къ обѣду отъ Г. Губернатора вмѣстѣ съ Преосвященнымъ. Беседа о Черниговѣ, о шолкахъ Раскольниковыхъ въ пашинныхъ краяхъ. Вечеромъ продолженіе разговора 20 числа.

24. Приводилъ въ порядокъ дорожныя записки, рылся въ хламу, гдѣ нашелъ еще нѣсколько хорошихъ листовъ, обглоданныхъ мышами, и испорченныхъ червями.

Былъ у обѣдин; любовался какъ двинулся весь народъ къ амвону, лишь только показался въ Царскихъ дверяхъ Преосвященный говорить проповѣдь. Предъ нимъ лежало Евангеліе, и онъ началъ объявлять прочтенную припѣчу: о брачномъ иирѣ, о званыхъ гостяхъ, изъ коихъ оказалось мало избранныхъ. Гость, пришедшій на бракъ въ небрачной одеждѣ, былъ представленъ очень живо, и я какъ будто увидалъ его передъ глазами. «А между тѣмъ мы получили еще при самомъ крещеніи брачную одежду,» продолжалъ Проповѣдникъ. «Какъ мы бережемъ ее?» Проповѣдникъ останавливался при своихъ вопросахъ, и это внезапное умолчаніе производило особенное дѣйствіе. «Мы бережемъ свое здоровье, свое спокойствіе, свое достоинствіе, — но какъ бережемъ мы этотъ драгоценный залогъ? О! слушайте, берегите его. Нельзя безъ него будетъ явиться на иирѣ! А если бы кто и пробрался, то его тотчасъ замѣняли и изгоняли какъ недостойнаго гостя. Аминь.» Это заключеніе было превосходно. Послѣ обѣдин зашли

ко мнѣ нѣкоторые учителя, и мы пошолковали о нѣ-
сняхъ, предапяхъ, обычаяхъ, и проч.

Разбирали листы старопечатныхъ книгъ Борисова,
Михаилова, Алексѣева времени; я ошобралъ нѣсколько
выходовъ, которые у насъ цѣнились дорого.

Г. Иванцкій, учитель Русской Словесности, при-
несъ нѣсколько народныхъ нѣсенъ, и между прочимъ
одну *бывальщину* изъ времени Юанна Васильевича Гроз-
наго. (Такъ называютъ здѣсь историческія нѣсни). Г.
Ив. жилъ прежде во Исковѣ, и разсказалъ мнѣ кое-что
о шамошнемъ краѣ.

Послѣ обѣда въ Прилуцкомъ монастырѣ. На цер-
ковномъ креснѣ разтѣвались лоскуны. Чшо это такое?
»Нынѣ поднимаи креснѣ, сшибенный бурей, а жипели
имѣюшъ обыкновеніе приносишъ онѣ своего усердія по-
винки на креснѣ въ церковь, онѣ конорыхъ оспаени-
ся и для монастыря.»

25. Перебиралъ Синодики здѣшніе. Въ какомъ по-
рядкѣ и численнѣ, какимъ прекраснымъ уснавомъ вноси-
лись имена до Петра I-го, и какими караулами запи-
саны послѣдующіе покойники! Креснѣянскіе, мѣщанскіе
роды записаны вмѣстѣ съ Княжескими и Боярскими.
Есть примѣчательныя собственныя имена лицъ и мѣстъ.
Былъ у меня одинъ изъ здѣшнихъ почтеннѣйшихъ граж-
данъ, Г. Северовъ, и пригласилъ нынѣ обѣдать къ се-
бѣ, вмѣстѣ съ Пресвященнымъ. Провелъ съ нимъ пре-
пріятный часъ въ разговорѣ о торговлѣ, о здѣшнемъ
краѣ, и сосѣднихъ мѣстахъ, гдѣ онъ бывалъ часно по
торговымъ дѣламъ своимъ. Услышалъ къ удивленію сво-
ему, чшо онъ чиналъ Пестора, и поминишъ нѣкоторые
мѣста наизусть.